

NEW YORK TIMES BESTSELLING AUTHOR

В герое бурлит горячая цыганская кровь,
в героине говорит аристократический голос предков.
Вместе они — самая невероятная пара своего времени!



HARLEQUIN®

БРЕНДА ДЖОЙС

ВПЕРВЫЕ НА РУССКОМ



Опасная ЛЮБОВЬ

Продано более 14 миллионов экземпляров

Семейство де Уоренн

Бренда Джойс

Опасная любовь

«Центрполиграф»

2008

Джойс Б.

Опасная любовь / Б. Джойс — «Центрполиграф»,
2008 — (Семейство де Уоренн)

Виконта Эмилиана, воспитанного отцом в богатстве и аристократических привилегиях, высшее общество презирало за его цыганское происхождение. А когда он узнал, что его мать-цыганка была зверски убита, забыл правила чести, вознамерившись любым способом отомстить. Его орудием стала Ариэлла, одновременно вожденная и ненавистная, но полная решимости бороться за свою любовь...

Содержание

Пролог	5
Глава 1	9
Глава 2	19
Глава 3	31
Глава 4	43
Глава 5	55
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Бренда Джойс

Опасная любовь

Пролог

Дербишир, 1820 год

Беспокойство его не знало границ. Где, черт побери, носит этого сыщика? Днем ранее он получил от Смита письмо, но оно было очень кратким и сообщало лишь, что сыщик прибудет утром. Проклятье! Сумел ли Смит отыскать его сына?

Эдмунд Сен-Ксавье нетерпеливо вышагивал по большому залу. Это была старинная комната, по древности не уступающая самому дому, но очень скудно меблированная и отчаянно нуждающаяся в ремонте. Дамасская обивка единственного дивана выцвела и местами протерлась до дыр; испещренный царапинами стол на трех ножках нуждался в гораздо более тщательном уходе, нежели полировка воском, а золотистая парча на сиденьях стульев приобрела желтоватый оттенок, свидетельствующий о крайне стесненных средствах их владельца. В прошлом имение Вудленд, раскинувшееся на десяти тысячах акрах земли, блистало великолепием, но это было еще в те времена, когда предки Эдмунда с гордостью носили титул виконта и держали также величественный дом в Лондоне. Ныне от десяти тысяч акров осталась лишь тысяча, на которой были разбросаны порядка пятнадцати фермерских домиков, и половина из них пустовала. На конюшне Эдмунда содержались всего четыре упряжные лошади и две верховые, а штат слуг сократился до двух лакеев и одной горничной. Его жена умерла в родах пять лет назад, а прошлой зимой ужасный грипп унес жизнь единственного ребенка. У Сен-Ксавье осталось лишь обедневшее имение, пустой дом да престижный титул, поставленный под угрозу.

Младший брат Эдмунда, самодовольный и самоуверенный, как всегда, воззрился на него из противоположного конца зала. Он ни секунды не сомневался, что скоро получит титул, который впоследствии сможет передать своему сыну. Эдмунд же хотел во что бы то ни стало помешать этому, ведь у него имелся еще один сын, незаконнорожденный. Несомненно, Смиут удалось найти его.

Эдмунд резко отвернулся. Они с Джоном с детства были соперниками, и сейчас ничего не изменилось. Его треклятый братец сколотил небольшое состояние, занимаясь торговлей, и теперь был владельцем имения в Кенте. Он регулярно приезжал в Вудленд в своем экипаже, запряженном шестеркой лошадей, и в сопровождении увешанной драгоценностями жены. Каждый его визит был похож на предыдущий. Он обходил дом, внимательно осматривая трещины в деревянном полу, облупившуюся краску, пахнущие плесенью и покрытые пылью портреты, и на лице его явственно читалось отвращение. Потом он предлагал брату оплатить его долги – по высокой процентной ставке. Эдмунд дожидаться не мог, когда же братец уберется восвояси, оставив долговой вексель, который ему все же придется подписать, не имея другого выбора.

Сен-Ксавье решил, что только через свой труп позволит сынку брата Роберту унаследовать Вудленд. До этого дело не дойдет.

– Ты уверен, что мистер Смит нашел мальчика? – высокомерно поинтересовался Джон. – Представить не могу, как сыщику с Боу-стрит удастся отыскать определенный цыганский табор, не говоря уже о конкретной женщине.

Эдмунд рассвирепел. Его брат рано радуется. Он может сколько угодно презирать его за связь с цыганкой и полагать, что их отпрыск окажется совершенным дикарем.

– Они зимовали у судоверфей в Глазго, – сказал Эдмунд, – а весной отправились на границу Англии и Шотландии, чтобы наняться работать на полях. Сомневаюсь, что так уж сложно найти нужный табор.

Джон направился к своей жене, которая шила, сидя у огня, и накрыл ладонью ее руку, словно говоря: «Я понимаю, что тебе неприятна эта тема. Ни одной даме не придется по вкусу история о том, что у моего брата была в любовницах цыганка».

Его идеальная во всех отношениях жена улыбнулась ему и продолжила свое занятие.

Мысли о Райзе не шли у Эдмунда из головы. Десять лет назад она пришла в Вудленд с их сыном. В глазах ее светились страсть и гордость, забыть которые ему не удастся никогда. Он воззрился на ребенка и с удивлением заметил на смуглом личике серые, как у него самого, глаза. Волосы мальчика были темно-золотистого цвета, в то время как у Райзы они были черными как ночь. Сам же Эдмунд был светловолос. Его жена Катерина находилась дома, и она носила их ребенка. Он настаивал, что сын цыганки не имеет к нему никакого отношения, – и ненавидел себя за это. Его интрижка с Райзой была непродолжительной, и сейчас он любил свою жену и не мог допустить, чтобы она узнала о его незаконнорожденном отпрыске. Он предложил цыганке те немногие деньги, что у него имелись, но она лишь осыпала Эдмунда проклятиями и покинула его дом.

Словно прочтя его мысли, Джон произнес:

– Как ты вообще можешь быть уверен, что этот цыганенок – твой сын? Ты веришь словам какой-то девки?

Эдмунд не обратил внимания на слова брата. Однажды он кутил в загородном доме в пограничных с Шотландией землях в компании таких же, как он, друзей-холостяков, когда в тех краях появились цыгане, встав лагерем недалеко от деревни. Когда Эдмунд впервые увидел Райзу и встретился с ней взглядом, он был настолько поражен, что, забыв, куда шел, развернулся и последовал за ней как привязанный. Она посмеялась над ним, заигрывая. Эдмунд совершенно потерял голову и с готовностью отправился за молодой цыганкой. Их связь началась той же ночью. На границе Эдмунд оставался две недели, проводя большую часть времени в постели Райзы.

Он пробыл бы с ней и еще дольше, но его звали дела тогда еще процветающего имения. Со слезами сожаления Райза прошептала: «*Gadje gadjensa*»¹. Он не понял смысла сказанного, но подумал, что она влюблена в него, хотя не был уверен в собственных чувствах. В любом случае это не имело значения, потому что они принадлежали к разным мирам. Эдмунд не надеялся увидеть Райзу вновь.

Год спустя он познакомился с Катериной, женщиной настолько же отличной от Райзы, как день отличается от ночи. Дочь пастора, она была благопристойна, скромна и очень мила. Такая девушка никогда не стала бы танцевать в новолуние под неистовые звуки цыганской музыки, но ему было все равно. Эдмунд влюбился в нее, женился и стал ее сердечным другом. Даже сейчас он очень тосковал по жене.

Разумеется, он намеревался вступить в повторный брак, так как ему нужны были наследники. Он не имел права ставить под угрозу имение. Но прежде Эдмунду пришлось уяснить, что жизнь – особа капризная и непостоянная. Именно поэтому он вознамерился отыскать своего незаконнорожденного сына.

В этот момент Эдмунд услышал стук копыт по изрезанной колеями грязной дороге.

Он бросился к парадной двери и распахнул ее настежь, уверенный, что Джон следует за ним по пятам. Из парного двухколесного экипажа, запряженного одной лошадью, выбирался тучный сыщик. Занавеси на окнах были опущены.

– Вы нашли его? – в отчаянии вскричал Эдмунд. – Вы нашли моего сына?

¹ *Gadje gadjensa, rom romensa* – цыгане и нецыгане должны идти разными дорогами (*цыганск.*).

Смит был грузным мужчиной, явно не имевшим привычки бриться каждый день. Зато он непрерывно жевал табак. Сплюнув себе под ноги, он ухмыльнулся:

– Да, милорд, но, боюсь, благодарить меня вы за это не станете.

«Он нашел мальчика».

Джон подошел и встал рядом с братом.

– Я совсем не доверяю этой цыганской девке, – пробормотал он.

Будучи не в силах оторвать глаз от экипажа, Эдмунд сухо ответил:

– Плевать я хотел на твое мнение.

Смит подошел к экипажу и открыл дверцу. Внутри сидел худенький мальчуган, одетый в латанные коричневые штаны и свободно болтающуюся на плечах грязную рубаху. Смит рывком вытащил его и поставил на землю.

– Познакомься с отцом, мальчик.

Эдмунд с ужасом заметил, что запястья ребенка туго стянуты веревкой.

– Развяжите его, – начал было он и тут увидел закованные в кандалы лодыжки мальчика.

Ребенок отпрянул в сторону, уставившись на сыщика полными ненависти глазами, затем плюнул ему в лицо.

Смит стер слюну со щеки и посмотрел на Эдмунда.

– Ему не повредила бы хорошая порка... он же цыганенок, не так ли? Этот народец только битье и понимает, все равно что старая кляча.

Эдмунд едва не затрясся от злости.

– Почему ребенок связан и закован в цепи, точно опасный преступник?

– Потому что я не доверяю ему, вот причина. С тех пор как я нашел его на севере, он не раз пытался сбежать. К тому же мне совсем не хочется получить удар ножом в спину, пока я буду спать, – продолжал Смит. Он с силой встряхнул мальчика, до боли сжав ему плечо. – Это твой отец, – произнес он, кивая в сторону Эдмунда.

Глаза ребенка светились яростным огнем, но он по-прежнему продолжал хранить молчание.

– Он говорит по-английски так же хорошо, как вы или я, – заметил сыщик, снова сплевывая табачную слюну, на этот раз прямо на босую ногу мальчугана. – И отлично все понимает.

– Да развяжите же его, черт вас дерит, – раздраженно произнес Эдмунд, ощущая собственное бессилие. Ему хотелось обнять сына, сказать, как сильно он сожалеет, но мальчик и вправду имел устрашающий вид, словно желая показать, как сильно он ненавидит Смита – и Эдмунда тоже. – Добро пожаловать в Вудленд, сынок. Я твой отец.

На него воззрилась пара серых глаз, полных презрения. Такой взгляд мог принадлежать зрелому человеку, но никак не мальчику.

– Она беспрекословно отдала его, – заметил сыщик.

Эдмунд не мог отвести глаз от сына.

– Вы передали ей мое письмо? – спросил он.

– Цыгане неграмотны, – ответил Смит, – но я сделал все так, как вы велели.

Эдмунду оставалось только гадать, согласилась ли Райза с тем, что для их сына будет гораздо лучше, если отец сам займется его воспитанием. Если ребенка станут считать англичанином, то перед ним откроются неограниченные возможности. Он унаследует и имение, и титул, и иные полагающиеся ему привилегии.

– Эта женщина все лопотала что-то на своем варварском языке, – продолжал Смит, расстегивая кандалы на лодыжках ребенка. – Я ни слова не понял из ее цыганской тарбарщины, да мне и не требовалось. Она хотела, чтобы паренек отправился со мной, а он не желал расставаться с ней. Он от вас сбежит. – Сыщик послал Эдмунду предупреждающий взгляд. – Вам бы лучше запирать его на ночь, а днем приставлять к нему охрану. – Он сжал ребенку руку. –

Мальчик, проявляй к своему отцу должное уважение. Он важный лорд. Если он заговорит с тобой, отвечай, понял?

– Все в порядке. Он просто шокирован переменами в своей жизни. – Эдмунд улыбнулся сыну, поражаясь его красоте. За исключением цвета кожи и глаз, он был точной копией Райзы. В груди его разлилось тепло. Он подумал о том, что ему не следовало прогонять Райзу прочь тогда, много лет назад, но они смогут преодолеть и давнее разногласие, и их различия. – Эмилиан, – улыбнулся он, – давным-давно твоя мать приносила тебя сюда, чтобы мы могли познакомиться. Я лорд Эдмунд Сен-Ксавье.

Выражение лица мальчика не изменилось; всем своим видом он напоминал Эдмунду опасного золотистого тигра, выжидающего подходящего момента, чтобы сделать решающий бросок.

Захваченный врасплох, Сен-Ксавье потянулся к веревкам на руках ребенка.

– Дайте мне нож, – сказал он Смигу.

– Вы пожалеете об этом, – предупредил сыщик, протягивая Эдмунду нож с большим лезвием.

– Как я и ожидал, мальчишка совсем дикарь, – пробормотал Джон.

Проигнорировав оба замечания, Эдмунд принялся разрезать веревки.

– Так гораздо лучше.

Кожа на запястьях ребенка была содрана, что привело Сен-Ксавье в ярость. Он злился на сыщика.

Мальчик окинул отца холодным взглядом, не подавая виду, как ему больно.

– Приглядывай хорошенько за своими лошадьми, – язвительно произнес Джон из-за его плеча.

Менее всего в этот момент Эдмунд нуждался в присутствии своего самодовольного брата. Он понимал, что ему придется приложить немало усилий, чтобы преодолеть враждебность собственного сына. Он не имел представления, как сделать из мальчика настоящего англичанина, не говоря уже о том, как стать ему настоящим отцом.

Мальчик стоял очень спокойно, настороженно глядя на него. Эдмунду на мгновение показалось, что перед ним замер в ожидании дикий зверь, но он тут же отогнал эту мысль прочь. Его брат заблуждается – цыгане вовсе не чудовища и не воры, и он с самого начала знал это.

– Ты умеешь говорить по-английски? Твоя мама умела.

Если мальчик и понял обращенные к нему слова, то виду не подал.

– Теперь у тебя начнется новая жизнь, – с улыбкой продолжал Эдмунд. – Много лет назад твоя мама приносила тебя сюда, но я повел себя как дурак, потому что боялся реакции своей жены. Я отрекся от тебя и буду вечно сожалеть об этом. Но Катерины больше нет на этом свете, упокой Господь ее душу. Умер и мой сын Эдмунд – твой брат. Эмилиан, теперь это имение – твой дом. Я твой отец и намерен обеспечить тебе жизнь, которую ты заслуживаешь. Ты тоже англичанин, и придет время, когда Вудленд станет твоим.

Мальчик фыркнул. Окинув Эдмунда с ног до головы презрительным взглядом, он покачал головой:

– Нет. У меня нет отца, и это не мой дом.

Говорил он с акцентом, но все же по-английски.

– Я понимаю, что тебе потребуется время, – сказал Эдмунд, радуясь тому, что между ними наконец-то завязался диалог. – Но я твой отец. Когда-то я очень любил твою мать.

Эмилиан молча смотрел на него, и черты его лица исказились от ненависти.

– Понимаю, как тебе сейчас, должно быть, непросто: признать, что я твой отец, а ты мой сын. Но, Эмилиан, ты такой же англичанин, как и я.

– Нет! – отрезал мальчик и добавил не без гордости, высоко подняв голову: – Я цыган!

Глава 1

Дербишир, весна 1838 года

Она была настолько увлечена книгой, которую читала, что не слышала стука в дверь до тех пор, пока он не стал оглушительным. Ариэлла, уютно устроившаяся на большой кровати с книгой о Чингисхане, вздрогнула. Еще мгновение перед ее мысленным взором плясали образы города тринадцатого века, и она как наяву видела облаченных в богатые одежды мужчин и женщин высшего сословия, которые в панике метались в толпе ремесленников и рабов, в то время как монгольские орды скакали на боевых конях по пыльным улочкам.

– Ариэлла де Уоренн!

Девушка вздохнула. Она не только отчетливо представляла битву, но и почти ощущала специфические запахи. Все же ей пришлось вернуться в реальность. Она находилась в Роуз-Хилл, загородном имении родителей, куда прибыла прошлым вечером.

– Входи, Диана! – прокричала она, откладывая книгу.

В комнату ворвалась ее сводная сестра, которая была на восемь лет младше самой Ариэллы, и замерла на месте.

– Но ты даже не одета! – воскликнула она.

– Разве я не могу спуститься к ужину в том платье, что на мне? – притворно невинным голосом поинтересовалась Ариэлла. Она совсем не следила за модой, но ей было отлично известно, что в ее семье принято наряжаться к ужину. Женщины должны появляться в вечерних платьях и с драгоценностями, а мужчины – в смокингах.

Диана округлила глаза:

– Ты же уже надевала это платье для завтрака!

Ариэлла с улыбкой встала с постели. Она до сих пор не могла привыкнуть к тому, как повзрослела ее младшая сестренка. Еще год назад Диана была сущим ребенком, а сейчас, в шестнадцать лет, облаченная в соответствующее платье, она выглядела настоящей молодой женщиной.

– Разве уже так поздно? – Ариэлла посмотрела в окно своей спальни и с удивлением обнаружила, что солнце клонится к горизонту. Значит, она просидела над монгольской историей много часов подряд.

– Уже почти четыре часа, и я уверена, ты знаешь, что у нас сегодня гости.

Ариэлла припомнила, что ее мачеха Аманда что-то об этом говорила.

– Известно ли тебе, что Чингисхан никогда не нападал без предупреждения? Он всегда прежде посылал гонца к правителю страны или королю, предлагая капитулировать, а не просто атаковал и уничтожал всех подряд, как утверждают многие историки.

Диана в смущении воззрилась на сестру:

– Кто такой Чингисхан? О чем ты вообще толкуешь?

Ариэлла просияла.

– Я читаю книгу о монголах, Диана. Их история удивительна. Под предводительством Чингисхана они создали империю столь же могущественную, как Великобритания. Знаешь ли ты об этом?

– Нет, не знаю. Ариэлла, мама пригласила лорда Монтгомери и его брата – и все ради тебя.

– Разумеется, сейчас они занимают гораздо меньшую территорию, – продолжала девушка, не слыша слов сестры. – Мне очень хочется отправиться в центральные степи Азии, потому что там до сих пор живут монголы, Диана. Можешь ли ты вообразить, что их культура и образ жизни практически не изменились со времен Чингисхана?

Поморщившись, Диана направилась к платяному шкафу и, открыв его, стала перебирать висящие там наряды.

– Лорд Монтгомери твой ровесник и в прошлом году унаследовал титул. Его брат немного младше. Титул очень древний, и имения их процветают. Я слышала, как мама и тетя Лизи говорили об этом. – Она вытащила бледно-голубое платье. – Какая красота! Кажется, ты его еще не надевала.

Ариэлла не сдавалась:

– Я уверена, что тебе понравится эта книга по истории, если я дам ее тебе почитать. И тогда, возможно, мы поедem в степи вместе! Мы даже сможем своими глазами увидеть Великую Китайскую стену!

Диана повернулась и посмотрела на сестру.

Ариэлла поняла, что терпение Дианы на исходе. Ей сложно было принять тот факт, что никто в ее семье, даже отец, не разделял ее тяги к знаниям.

– Нет, я не надевала это платье. На мероприятиях, которые я посещала в столице, полным-полно академиков и реформаторов-вигов, а вот джентльмены почти не встречаются. Никому дела нет до моды.

Прижав наряд к груди, Диана покачала головой:

– Стыд какой! Монголы мне совсем не интересны, Ариэлла, и, честно говоря, не понимаю, чем они тебя так покорили. И в степи я с тобой не поеду – как и к какой-то там стене. Меня вполне устраивает моя жизнь здесь! Когда мы говорили с тобой в прошлый раз, ты переживала о бедуинах.

– Тогда я только что вернулась из путешествия по Иерусалиму, где мне довелось посетить лагерь бедуинов. Известно ли тебе, что наша армия использует их как разведчиков и провожатых в Палестине и Египте?

Диана прошествовала к кровати и положила на нее платье.

– Пришло время надеть этот милый наряд. С твоим нежным цветом кожи, золотистыми волосами и знаменитыми голубыми глазами де Уореннов ты без труда вскружишь головы гостям.

Ариэлла насторожилась:

– Кто, ты сказала, к нам приедет?

Диана просияла:

– Лорд Монтгомери – знатный жених! Говорят, он к тому же очень хорош собой.

Сбитая с толку Ариэлла скрестила руки на груди.

– Тебе еще рано начинать искать мужа.

– Но тебе нет, – парировала ее сестра. – Ты совсем меня не слушала, не так ли? Лорд Монтгомери только что унаследовал титул, он красив и образован. К тому же ходят слухи, что он намерен в ближайшее время найти себе жену.

Ариэлла отвернулась. Ей было двадцать четыре года, но она *не спешила* связывать себя узами брака. С детства она испытывала тягу к знаниям. Книги – и содержащаяся в них информация – составляли неотъемлемую часть ее жизни, сколько она себя помнила. Если бы ей предстояло выбирать, провести время на балу или в библиотеке, она непременно сделала бы выбор в пользу последней.

К счастью, отец души не чаял в своей старшей дочери и всячески поощрял ее интеллектуальные изыскания, что было вещью совершенно неслыханной. С тех пор как ей исполнился двадцать один год, Ариэлла большую часть времени проводила в Лондоне, где могла посещать библиотеки и музеи сколько душе угодно, а также присутствовать на общественных дебатах, касающихся важных социальных вопросов, проводимых радикалами вроде Френсиса Плейса и Уильяма Коветта. Несмотря на предоставляемую ей свободу, девушка мечтала о еще большей

независимости – ей хотелось путешествовать по свету без сопровождения, посещать места и встречать людей, о которых она читала в книгах.

Ариэлла родилась в одном из Берберийских государств, ее матерью была еврейка, пленная берберийским принцем. Женщину обезглавили вскоре после рождения Ариэллы, потому что у малютки оказались светлая кожа и голубые глаза. Отцу удалось тайно вывезти дочь из гарема, и с тех пор она воспитывалась при нем. Клифф де Уоренн сейчас стал одним из величайших корабельных магнатов своего времени, а в те дни был капитаном капера. Первые несколько лет жизни Ариэлла провела в Западной Индии, где у отца был дом. Когда он познакомился с Амандой и женился на ней, они переехали в Лондон. Ее мачеха столь же страстно любила море, как и сам Клифф, и к тому времени, как Ариэлла достигла совершеннолетия, она уже вдоль и поперек исследовала Средиземное море, была в Соединенных Штатах Америки и во всех крупнейших городах Европы. Она даже посетила Палестину, Гонконг и Восточную Индию.

В прошлом году девушка отправилась в трехмесячное путешествие с посещением Вены, Будапешта и затем Афин. Отец согласился на эту поездку с одним условием: чтобы Ариэлле сопровождал ее сводный брат. Алексей шел по стопам своего отца на поприще купца и искателя приключений и был счастлив отправиться в компании сестры. Уступив ее просьбам, они ненадолго заехали в Константинополь.

Ее любимым местом была Палестина, а любимым городом – Иерусалим. И больше всего она ненавидела Алжир, потому что именно там ее мать казнили за любовную связь с ее отцом.

Ариэлла понимала, как ей повезло с родителями, которые позволяли ей путешествовать по миру, безоговорочно доверяли и гордились ее интеллектом. В высшем свете подобное поведение молодой девушки вовсе не было нормой. Диана, к примеру, не получила образования и лишь время от времени почитывала дамские романы. Сезон она проводила в Лондоне, а в течение остальной части года жила в праздности в деревенском имении семьи в Ирландии. Помимо занятий благотворительностью, дни Дианы протекали в перемене нарядов, посещениях званых приемов и чаепитий, а также визитах к соседям. Такое поведение молодой девушки из высшего общества считалось пристойным.

Вскоре Диана окажется на ярмарке невест и станет искать себе подходящего мужа. Ариэлла знала, что ее красавица сестра, не обделенная к тому же приданым, без труда сделает хорошую партию. Но себе Ариэлла прочила совсем иную судьбу. Браку она предпочитала независимость, чтение книг и путешествия по свету, а лишь крайне неординарный мужчина мог бы позволить ей продолжать вести привычный образ жизни, поэтому она и помыслить не могла, чтобы выйти замуж и распрощаться с нынешней вольной жизнью. Замужество никогда не значилось в числе ее приоритетов, хотя она и выросла, видя перед глазами пример родительской великой любви, преданности друг другу и равенства между супругами. Ее тети и дяди могли бы также похвастаться счастливым браком. Если Ариэлла и станет чьей-то женой, то лишь в том случае, если встретит свою настоящую любовь, единственную и на всю жизнь, чем так славились все семейство де Уоренн. Тем не менее к двадцати четырем годам девушка не испытывала ничего подобного и ничуть не чувствовала себя обделенной. На что ей было жаловаться? В ее распоряжении были тысячи книг для чтения и сотни мест, манящих своей таинственностью. Ариэлла сомневалась, хватит ли ей жизни, чтобы осуществить все свои задумки.

Медленно она повернулась к своей сестре.

Диана улыбалась, но черты лица ее омрачало беспокойство.

– Я так рада, что ты дома! Я очень скучала по тебе, сестричка, – заискивающе произнесла она.

– И я тоже, – ответила Ариэлла не совсем искренне.

В заморских землях, окруженная экзотическими запахами, видами и звуками, а также людьми, которых она стремилась понять, Ариэлла совсем не тосковала по дому. Даже живя в Лондоне, она могла долгие часы провести в музее, не замечая течения времени.

– Я так рада, что ты присоединилась к нам здесь, в Роуз-Хилл, – продолжала Диана. – Сегодняшний вечер обещает быть интересным. Я уже встречалась с младшим Монтгомери, и если его старший брат столь же очарователен, то ты очень скоро позабудешь о своем Чингисхане. – Помолчав немного, девушка добавила: – Не думаю, что тебе следует упоминать за ужином о монголах, Ариэлла. Никто этого не поймет.

Поколебавшись, Ариэлла ответила:

– В действительности мне бы хотелось отужинать в тесном семейном кругу. Терпеть не могу обсуждать погоду, розы Аманды, последнюю охоту или предстоящие скачки с незнакомыми людьми.

– Почему бы и нет? – запротестовала Диана. – Это отличные темы для светской беседы. Так ты даешь слово, что не станешь упоминать о монголах, степях и ужинах с академиками и реформаторами? – Она неуверенно улыбнулась. – В противном случае тебя сочтут радикалом – и чрезмерно независимой к тому же.

Ариэлла заупрямилась:

– Тогда мне останется лишь провести весь вечер в полнейшем благословенном молчании.

– Но это же ребячество.

– Женщине следует позволять высказывать ее собственные суждения. В городе я именно так и поступаю. И я действительно в некоторой степени отношусь к радикалам. Социальные условия в нашем обществе ужасны, не говоря уже о шумихе вокруг избирательной кампании. Что же до парламентских реформ... Диана прервала сестру:

– Разумеется, ты открыто высказываешь свои мысли в городе, где тебя окружают совсем не джентльмены. Ты сама так сказала! – Девушка в волнении вскочила на ноги. – Я очень люблю тебя и по-сестрински прошу обсуждать лишь подобающие в высшем обществе темы.

– Какой же ты стала консервативной, – застонала Ариэлла. – Ну хорошо, я не стану вступать ни в какие споры без твоего одобрения. Прежде посмотрю на тебя в ожидании поощряющего подмигивания. Нет, погоди-ка. Давай ты лучше будешь тянуть себя за мочку левого уха, чтобы показать мне, что я могу говорить.

– Не смейся над моим искренним желанием увидеть, как ты счастливо выйдешь замуж!

Ариэлла резко опустилась на кровать, пораженная словами младшей сестры. С чего это Диане так отчаянно желать ее замужества?

Диана примирительно улыбнулась:

– Также мне кажется, тебе не следует упоминать в разговоре, что папа позволяет тебе жить в Лондоне одной.

– Я редко остаюсь в одиночестве. В доме полно слуг, и граф с тетушкой Лизи часто бывают в столице, а дядя Рекс и Бланш и вовсе живут в получасе езды от Лондона в Херрингтон-Холл.

– Вне зависимости от того, кто навещается в Хермон-Хаус, ты живешь там как независимая женщина. наших гостей это шокирует – *лорда Монтгомери* шокирует! – твердо заявила она. – Папе нужно вести себя благоразумно, когда дело касается тебя.

– Не так уж я и независима. Мои имения приносят доход, но отец – мое доверенное лицо. – Ариэлла прикусила губу. И когда это Диана стала такой правильной? Когда превратилась в одну из типичных представительниц своего пола и возраста? Почему она не хочет понять, что свободное мышление и независимость нужно привечать, а не презирать?

Диана провела рукой по лежащему на кровати платью, разглаживая невидимые складки.

– Любовь к тебе отца не позволяет ему рассуждать здраво. Уже ходят слухи, знаешь ли, о твоём самостоятельном проживании в Лондоне. – Она посмотрела на сестру. – Я люблю

тебя. Тебе двадцать четыре года. Папа не намерен принуждать тебя поторопиться, но ты уже совершеннолетняя, и время твое пришло. Я говорю из лучших побуждений.

Ариэлла заволновалась. Она поняла, что пора открыть сестре свои планы касательно лорда Монтгомери.

– Диана, пожалуйста, не планируй свести меня с Монтгомери. Я ничего не имею против того, чтобы оставаться незамужней.

– Но если ты не выйдешь замуж, чем станешь заниматься? А как же дети? Если отец отдаст тебе твою долю наследства, отправишься ли ты путешествовать по свету? И на какой срок? Будешь ли ты все так же странствовать, когда тебе исполнится сорок лет? Восемьдесят?

– Очень на это надеюсь! – воскликнула Ариэлла, захваченная высказанной сестрой идеей.

Диана лишь покачала головой:

– Но это же безумие!

Сестры отличались как день и ночь.

– Я не хочу вступать в брак, – твердо заявила Ариэлла. – Я выйду замуж, только если встречу родственную душу. Но с лордом Монтгомери буду вести себя предельно вежливо. Обещаю тебе, что не стану заводить разговора о волнующих меня вещах, но, ради всего святого, я не намерена «прекратить и воздерживаться впредь», как на постановлении суда. Не могу вообразить худшей доли, чем жизнь в подчинении какому-нибудь правильному до мозга костей джентльмену с узким кругозором. Меня вполне устраивает нынешнее положение вещей.

Диана отнеслась к словам сестры скептически.

– Ты женщина, Ариэлла, и твое предназначение перед Богом и людьми – выйти замуж и рожать детей. Верно, это подразумевает подчинение воле мужа. Что ты имеешь в виду, говоря о родстве душ? Кто идет на подобный союз?

Ариэлла была шокирована столь традиционными суждениями младшей сестры – даже несмотря на то, что общество одобряло такие взгляды.

– Не знаю, каково предназначение женщин перед Богом – и мое личное предназначение в том числе, – тщательно подбирая слова, сказала она, – но именно *мужчины* придумали, что женщины должны выходить замуж и рожать детей! Диана, постарайся понять. Большинство мужчин не допустили бы, чтобы я проникла в Оксфорд в мужском костюме, дабы украдкой послушать лекции моих любимых профессоров.

Диана ахнула от такого признания.

– Большинство мужчин *не позволили* бы мне проводить дни напролет в архивах Британского музея, – твердо продолжала Ариэлла. – Я отказываюсь от патриархального брака – если когда-либо решусь вступить в брак.

Диана застонала.

– Я предвижу твое будущее – ты станешь женой какого-нибудь радикально настроенного адвоката!

– Возможно, так и случится. Разве ты можешь представить меня супругой чопорного английского джентльмена, сидящей дома, меняющей платье к обеду и ужину и являющейся, по сути, лишь красивым, но бесполезным украшением? У меня будет шестеро или семеро детей, которых мне придется выносить, словно я племенная кобыла, чье призвание – продолжить род!

– Какие ужасные у тебя взгляды на семью и брак, – изумленно произнесла Диана. – Так-то ты думаешь обо мне? Что я всего лишь красивое бесполезное украшение? И моя мама, и тетюшка Лизи, и Марджери тоже?

Вынашивать детей – это прекрасно! Ты и сама обожаешь малышкой!

Как же это случилось? – недоумевала Ариэлла.

– Нет, Диана, прошу прощения. Ничего подобного я о тебе не думаю. Я обожаю тебя – ты моя сестра, и я очень тобой горжусь.

– Я же не глупа, – наконец отозвалась ее сестра, – и отлично понимаю, что ты выдающаяся девушка. Все в нашей семье так говорят. Ты более начитанна, чем любой знакомый нам джентльмен. Понимаю я и то, что ты считаешь меня дурочкой. Но я не думаю, что стремление удачно выйти замуж и иметь детей – такая уж блажь. Как раз наоборот, это похвально – желать иметь собственный дом, мужа и детей.

Ариэлла пошла на попятную:

– Ну разумеется, так и есть – раз ты искренне этого хочешь.

– А вот ты нет. Ты мечтаешь в уединении читать книги о странных людях типа монголов. Но как же неразумно тратить свою жизнь на изучение судеб иностранцев и тех, кто давным-давно обратился в прах! Если, конечно, ты не намереваешься выйти замуж за джентльмена, в котором почувствуешь *родственную душу*! Неужели тебя никогда не посещала мысль, что однажды ты можешь сильно пожалеть о таком решении?

Ариэлла крайне удивилась:

– Нет, не посещала. – Осознав, что ее маленькая сестренка стала совсем взрослой, она тяжело вздохнула. – Я же не исключаю целиком возможности вступления в брак, Диана. Но в то же время я не тороплюсь совершать столь ответственный шаг, особенно если мой выбор не сулит мне счастья. – Помолчав немного, она добавила, чтобы порадовать Диану: – Не исключаю, однако, возможности найти единственную любовь, как многие члены нашей семьи.

– В таком случае надеюсь, ты станешь единственной де Уоренн, кому удалось избежать скандальной истории, столь часто случающейся с членами нашей семьи, – ворчливым голосом произнесла Диана.

Ариэлла улыбнулась:

– Постарайся меня понять, пожалуйста. Ужасный статус старой девы вполне меня устраивает.

Диана угрюмо воззрилась на сестру:

– Пока никто не называет тебя старой девой. Хвала Господу, у тебя есть состояние и прилагающиеся к нему преимущества. Но если ты и дальше станешь вести себя в том же духе, то боюсь, очень скоро пожалеешь об этом.

Ариэлла обняла Диану.

– Не пожалею, клянусь тебе, – сказала она со смешком. – Ты сейчас говоришь как старшая сестра!

– Пошлю Розалин помочь тебе одеться. Ужин у нас будет ранним, хотя и не понимаю почему. Я одолжу тебе свои украшения с аквамаринами. Смею заметить, Монтгомери тебе очень понравится.

Уходя, она улыбнулась, показывая тем самым, что ни на шаг не собирается отступать от своих матримониальных планов.

Ариэлла улыбнулась в ответ, надев маску приветливости на лицо и намереваясь не снимать ее весь вечер, чтобы доставить удовольствие Диане.

Эмилиан Сен-Ксавье расположился за большим позолоченным столом своего отца в библиотеке, но сосредоточиться на счетах ему никак не удавалось. С раннего утра его терзало непонятное беспокойство, ставшее в последнее время привычным явлением. Он ненавидел это чувство и намеревался, как обычно, игнорировать его. Но в такие дни дом казался ему особенно огромным и гораздо более пустым, хотя он и держал большой штат прислуги.

Молодой человек откинулся на спинку стула и принялся осматривать богатое убранство библиотеки с высоким потолком. Эта комната не имела почти никакого сходства с той, в которой его часто наказывали в далеком безрадостном детстве, когда он упрямо цеплялся за различия между собой и отцом и притворялся, что его нимало не заботят ни желания Эдмунда, ни состояние дел в Вудленде. Но даже в свой первый день в имении он отчетливо помнил, что

любопытство его было столь же велико, что и его настороженность. До этого Эмилиану никогда не приходилось переступать порога дома англичанина, а Вудленд казался ему подобным дворцу. Райза настаивала, чтобы он научился читать, и, оказавшись в библиотеке, мальчик пожирал глазами книги, гадая, осмелится ли он потихоньку взять почитать хоть одну из них. Вскоре он стал украдкой читать том за томом. Оглядываясь назад, молодой человек понимал, что Эдмунду было известно о его увлечении философией, поэзией и любовными романами, которые он запоем поглощал в своей спальне.

Даже несмотря на то, что его мать настаивала на том, чтобы он оставил *kumpa'nia*² и поселился со своим отцом, Эмилиану никогда не удастся забыть ее слез и горя. Забрав у нее сына, Эдмунд разбил ей сердце, и молодой человек ненавидел его за это. Он отлично понимал, что не жил бы в Вудленде, если бы законный сын Эдмунда остался в живых. Его непомерная цыганская гордость требовала, чтобы он оставался безразличным к той жизни, которую предлагал ему отец.

В его жилах текла цыганская кровь, сделавшая его злобным и подозрительным. Всю жизнь Эмилиана сопровождали ненависть и предрассудки *gadjos*³, он ожидал, что его отец окажется точно таким же, как и прочие *gadjos*, хотя в действительности Эдмунд вел себя по отношению к нему строго, но справедливо и по-дружески. Эмилиану было невероятно трудно привыкнуть к английской жизни, поэтому несколько раз он убежал из дома, но отец всегда находил его и возвращал обратно. В последний раз, когда он похитил скакуна у соседа, его заклеямили как конокрада до того, как Эдмунд успел вызволить его и забрать домой. Эмилиан был не первым цыганом со шрамом на правом ухе, но из-за этого ему приходилось носить волосы длинными. Наконец Эдмунд попросил его остаться до тех пор, пока ему не исполнится шестнадцать лет, пообещав не препятствовать тогда его уходу, если таково по-прежнему будет его намерение.

Эмилиан согласился – и в конце концов решил жить с отцом, но на собственных условиях. В последующие годы он поступил сначала в Итон, а затем в Оксфорд, окончив оба учебных заведения с отличием. Но отношения с отцом по-прежнему оставались противоречивыми, словно Эдмунд так до конца и не поверил, что сын его превратился в настоящего англичанина. Эмилиан также никогда всецело не доверял отцу. То, что он сын Эдмунда и его наследник, не меняло того обстоятельства, что его мать цыганка и все в обществе об этом знают – включая и самого Эдмунда.

Высокомерие и презрение, сопутствующие ему в юности, никуда не исчезли и по сей день, но он стал более тщательно их маскировать. Для *gadjos*, даже тех, которые согревали его ложе, ни изысканные манеры, ни образование и богатство не могли изменить укоренившегося предрассудка, что его единственными намерениями являются кража коней и обман соседей. Он находил тому подтверждение на каждом балу, званом ужине, деловой встрече и в постели каждой любовницы. Со временем ничто не изменилось.

Эдмунд умер в результате трагического несчастного случая на охоте. Эмилиан в то время только что с отличием окончил Оксфорд и отправился путешествовать с табором. За десять лет, что минули с тех пор, как отец забрал его, он впервые видел свою мать. Управляющий Эдмунда прислал ему письмо с дурной вестью, и молодой человек немедленно поспешил домой.

Огорченный тем, что не имел возможности попрощаться с отцом, Эмилиан отправился напрямик на его могилу, а затем в кабинет. Он не мог думать ни о чем ином, кроме как об упущенных возможностях прошлого – ведь он даже не поблагодарил Эдмунда. В памяти молодого человека всплывали события минувших дней: вот отец учит его ездить верхом, вот посвящает

² Табор (цыганск.).

³ Те, кто не являются цыганами (цыганск.).

его в тонкости управления имением, настаивая, чтобы Эмилиан получил лучшее образование. Эдмунд брал сына на все мероприятия, будь то званый ужин или бал, и гордо представлял его как своего наследника, словно он был таким же англичанином, как и все присутствующие. Расположившись за отцовским столом, он читал отчеты и бухгалтерские книги до тех пор, пока на глаза ему не навернулись слезы и текст не стал расплываться. В конце концов в нем заговорило английское чувство долга. Он осознал, что отец его был никудышним виконтом и мог бы справляться гораздо лучше. Эмилиан вознамерился поправить состояние дел в имении, чтобы покойный отец мог им гордиться.

Поставленной цели он добился. За три года молодому человеку удалось ликвидировать все задолженности, и в настоящее время имение приносило неплохой доход. У него появились новые фермеры, чья продукция бойко продавалась как на местных рынках, так и за рубежом. Он купил долю во фрахтовой компании, сделал выгодные вклады в бирмингемские мельницы и железные дороги, но настоящей *coup de grâces*⁴ стала угольная шахта Сен-Ксавье. Экспорт британского угля увеличивался ежегодно, принося своему владельцу большую прибыль. Эмилиан превратился в богатейшего джентльмена во всем Дербишире, за одним-единственным исключением, имя которому было Клифф де Уоренн, корабельный магнат.

Молодой человек отложил грессбухи в сторону.

Лично он не был знаком с де Уоренном – да и как бы ему это удалось? Он пренебрегал высшим обществом с тех самых пор, как унаследовал титул и имение. Еще когда отец впервые представил его, маленького мальчика, свету, за его спиной постоянно шептались, и до сих пор ничего не изменилось, за исключением того, что теперь он этого ожидал. Эмилиан предпочитал избегать общественных мероприятий, потому что все они были насквозь фальшивыми, и гости лишь делали вид, что им интересно. И если он все же соглашался отужинать с англичанами и их женами, то лишь с теми, в ком был заинтересован, – управляющими его угольной шахтой, партнерами по фрахтовой компании или дельцами, жаждущими его инвестиций в свои предприятия.

– Милорд? – Худ, дворецкий, замер на пороге библиотеки. – К вам посетители. – С этими словами Худ протянул ему небольшой поднос, на котором лежало несколько визитных карточек.

Эмилиан очень удивился, потому что визитеры были редки в его доме. Его последней гостьей была вдова с четырьмя сыновьями, чья семья явно дала ему понять, что очень плодотворна. Сейчас, просматривая карточки, молодой человек старался подавить раздражение. Он был настолько богат, что неизбежно время от времени получал предложения о брачном союзе, и кандидатами ему в жены неизменно оказывались самые неподходящие особы, потому как *crème de la crème*⁵ старались заполучить себе в мужья английских джентльменов голубых кровей. Но Эмилиана это совершенно не заботило. Детей он не хотел, потому что в его понимании детство было синонимом нищеты и страха, и, как следствие, жена ему тоже не была нужна – англичанка или кто бы то ни было еще.

Бросив взгляд на визитные карточки, он замер. Его аудиенции искали вовсе не кандидаты в жены, а его кузен Роберт со своими друзьями.

– Богатеи пожаловали, – чуть слышно пробормотал он. Была только одна причина, по которой Роберт мог явиться к нему, потому что они терпеть друг друга не могли. – Пригласите Роберта, Худ. – Эмилиан встал из-за стола и с наслаждением потянулся, разминая затекшие мышцы. Он намеревался получить удовольствие от визита кузена, примерно такое же удовольствие, какое бассет получает, оказавшись запертым в маленькой комнате в компании мыши.

⁴ Золотая жила, букв. «благословение Божье» (*фр.*).

⁵ Сливки общества (*фр.*).

Перед ним тут же возник Роберт Сен-Ксавье. На лице его играла подобострастная улыбка, и он протягивал Эмилиану свою пухлую белокожую руку.

– Эмиль, боже мой, как я рад видеть тебя, – пророкотал он.

Эмилиан скрестил руки на груди, чтобы избежать физического контакта.

– Давай перейдем сразу к делу, Роб.

Улыбка кузена тут же погасла, и он опустил руку.

– Мы с друзьями проезжали мимо, – бодрым тоном произнес он, – вот я и подумал: почему бы нам с тобой не распить бутылочку хорошего вина? Давненько мы не виделись, а ведь не чужие друг другу люди! – Он рассмеялся, возможно, потому, что нервничал, а возможно, потому, что ему приходилось признавать связывающие их родственные узы. – Мы с приятелями намереваемся снять комнаты в Бакстон-Инн. Не желаешь ли присоединиться?

– Сколько тебе нужно? – холодно поинтересовался Эмилиан.

Роберт тут же посерьезнел.

– Клянусь, на этот раз я непременно верну тебе долг.

– В самом деле? – Молодой человек удивленно вскинул бровь. Его кузен унаследовал состояние отца, но за два года все промотал, ведя беспутный и безответственный образ жизни. – Тогда это будет первый раз. Так сколько, Роб, тебе надо?

Роберт колебался.

– Пять сотен, если можно?

– И на какой срок тебе хватит этих денег? Многие джентльмены целый год живут на такую сумму.

– Именно на год мне и хватит, Эмиль, клянусь!

– Не нужно понапрасну расточать клятвы, – отрезал Эмилиан, склоняясь над своей чековой книжкой.

Ему следовало бы позволить кузену голодать. Никогда не забыть ему, как Роберт вместе со своим отцом презрительно называли его «этот цыганенок» и считали грязным дикарем. Но это же были всего лишь деньги *gadjo* – его деньги *gadjo*. Вырвав чек из книжки, он протянул его Роберту.

– Не знаю, как мне тебя и благодарить, Эмиль.

Он презрительно возрился на кузена:

– Не бойся – я не стану требовать с тебя возвращения долга.

На лице Роберта вновь появилась подобострастная улыбка.

– Благодарю тебя, – снова произнес он. – Ты же не станешь возражать, если мы переночуем в этом доме? Это сэкономит нам несколько фунтов...

Эмилиан сделал нетерпеливый жест. Ему было все равно, останется ли эта троица в его доме или нет. В конце концов, в Вудленде было достаточно комнат, чтобы их пути не пересеклись. Подойдя к большим, от пола до потолка, французским окнам, молодой человек принялся обозревать свои сады, переходящие в покрытые деревьями холмы, тянущиеся до линии горизонта. Его терзало ужасное предчувствие грядущей беды, но, возможно, у него всего лишь разыгралось воображение. Он посмотрел на серое небо. Ничто не предвещало приближения грозы.

Эмилиан обернулся на звук новых голосов. Двое дружков Роберта, таких же беспутных, как и он сам, присоединились к нему, и он похвалялся перед ними полученным чеком. Молодые люди смеялись и похлопывали его кузена по спине, словно он только что совершил величайший подвиг.

– Как, должно быть, хорошо иметь богатого кузена, а? – произнес один из них. – Даже если он и наполовину цыган.

– Одному Богу известно, как он этого добился, – ухмыльнулся Роберт. – Не сомневаюсь, что деловую хватку он унаследовал вместе с английской кровью.

Третий приятель склонился к ним ближе и, понизив голос, поинтересовался:

– Вы когда-нибудь развлекались с цыганской девкой? – Взгляд его был полон вождельения. – Табор расположился прямо в Роуз-Хилл – мне сказал это один слуга.

Эмилиан напрягся. Так цыгане поблизости? Не их ли присутствие он ощущал все это время?

В этот самый миг молодой цыган, лет пятнадцати– шестнадцати, появился на его террасе и воззрился на него через французские окна.

Эмилиан подался вперед:

– Подожди!

Паренек вихрем развернулся и пустился наутек.

Эмилиан бросился за ним.

– Не убегай! – прокричал он по-английски, затем повторил по-цыгански: – Na za!

Заслышав столь категоричный приказ, цыган замер на месте, и Эмилиан догнал его. Продолжая говорить на языке цыган, он произнес:

– Я цыган. Мое имя Эмилиан Сен-Ксавье, и я сын Райзы Кадрайш.

Мальчик расслабился.

– Меня послал Стеван. Он хочет поговорить с тобой. Мы встали неподалеку – в часе езды на лошади или в кибитке.

Эмилиан был поражен. Стеван Кадрайш приходился ему дядей, и они не виделись вот уже восемь лет. Райза путешествовала вместе с братом и своей дочерью – сводной сестрой Эмилиана – Джаэлью. Но они никогда не пересекали границы Англии. Молодой человек не мог взять в толк, что все это значит.

Внезапно его осенила догадка. У цыган есть новости, и, очевидно, дурные.

– Так ты придешь? – спросил мальчик.

– Приду, – ответил он по-английски, готовясь стоически встретить неизвестность.

Глава 2

Ариэлла стояла у камина, всем сердцем желая покинуть гостиную и скрыться в своей комнате, где могла бы уютно устроиться на кровати и углубиться в чтение. Хозяева уже обменялись с гостями приветствиями и обсудили погоду, а также знаменитые розы Аманды. Диана, выглядевшая очень мило в вечернем платье, только что упомянула о приближающемся бале своей матери, первом за много лет меропрятии такого рода, готовящемся в Роуз-Хилл.

– Очень надеюсь, что вы почтите нас своим присутствием, милорды, – сказала она.

Изобразив на лице улыбку, Ариэлла посмотрела на своего отца. Клиффу было немного за сорок; высокий и привлекательный, он до сих пор притягивал женские взгляды. Сам он, однако, не замечал никого вокруг, будучи всецело преданным своей жене, которая так же страстно, как и он сам, любила море и до сих пор высказывала эксцентричное желание стоять подле мужа на палубе. Но Аманда была также и страстной поклонницей балов и танцев, чего Ариэлла никак не могла уразуметь. Девушка решила после ужина просить отца позволить ей совершить смелое путешествие в сердце Центральной Азии.

– Как мне кажется, вы не очень-то рады предстоящему балу, – обратился к ней лорд Монтгомери. Речь его была серьезна и размеренна.

Ариэлла не сдержалась и ответила чистую правду:

– До балов мне нет никакого дела. Я стараюсь избегать их, когда только возможно.

Диана тут же поспешила к сестре.

– Ах, ну что за глупости ты говоришь, – пожурила она. – Это же неправда.

– Я предпочитаю путешествовать, – добавила Ариэлла, ловя на себе улыбку отца.

– И я тоже, – ответил молодой человек. – Где вы были в последний раз?

– В Афинах и Константинополе. А теперь мне хочется отправиться в степи Центральной Азии.

Диана побледнела.

Ариэлла вздохнула. Она ведь обещала сестре не упоминать о своем увлечении монголами. Перебрав в голове несколько тем для беседы, она выбрала одну, наиболее ей интересную:

– Что вы думаете о социальном эксперименте Оуэна, призванном помочь рабочим упрочить свое экономическое положение в современном мире?

Монтгомери удивленно прищурился и с интересом воззрился на собеседницу.

Его младший брат, однако, казался шокированным. Повернувшись к отцу Ариэллы, он заметил:

– Но это же катастрофа – потакать рабочим таким образом. А чего еще ожидать от такого человека, как Роберт Оуэн? Он же сын мелкого лавочника.

– Он великолепен! – прошипела за его спиной рассерженная Ариэлла.

Клифф де Уоренн подошел к дочери и положил руки ей на плечи, затем сказал сладким голосом:

– Я впечатлен экспериментом Оуэна и разделяю теорию о поддержке интересов рабочего люда.

Теперь младшему Монтгомери пришлось противостоять двойной силе в лице Ариэллы и Клиффа.

– Боже всемогущий, но чего же нам ожидать дальше? Билля о десятичасовом рабочем дне? Рабочие наверняка станут на этом настаивать! – Он мрачно воззрился на Ариэллу, но она уже давно привыкла к подобным взглядам, говорившим: «Дамам лучше держать свое мнение при себе».

Девушка уперла руки в бока, но ответила довольно мило:

– Пренебрежение биллем о десятичасовом рабочем дне в угоду промышленно-торговым интересам, по моему мнению, социально-политическая пародия. Это же бесчеловечно! Как можно заставлять женщин и детей работать более десяти часов в сутки!

Поль Монтгомери удивленно вскинул свои светлые брови и отвел от девушки взгляд. Обращаясь исключительно к Клиффу, он произнес:

– Как я уже говорил, предпринимательство нашей страны пострадает, если станут позволять и даже поощрять появление профсоюзов. Ни один промышленник не окажется таким глупцом, чтобы сократить продолжительность рабочего дня из сочувствия трудящимся.

– Я не согласен. Более гуманный закон о труде непременно будет принят, – спокойно заявил Клифф. – Это лишь вопрос времени.

– Тогда страна пойдет ко дну, – покраснев, предупредил младший Монтгомери. – Мы не можем повысить зарплаты и предоставить лучшие условия труда!

Улыбнувшись, Аманда предложила:

– Прошу к столу. Джентльмены, вы сможете продолжить ваш жаркий спор за ужином.

Ариэлла подумала об этой перспективе с восторгом. Она-то уж точно не возражала против такого развития событий!

Встретившись глазами с Дианой, она прочла в ее взгляде мольбу: «Что ты делаешь? Ты же мне обещала».

– Я слишком джентльмен, чтобы вступать в спор с леди, – чопорно произнес Поль Монтгомери. Вид у него, однако, был подавленный.

Его старший брат засмеялся, и Клифф тоже.

– Пройдемте в столовую, как предложила моя жена.

Внезапно из прихожей послышались громкие крики, как будто Роуз-Хилл наводнила большая толпа народу.

– Что такое? – удивился Клифф, поспешно выходя из гостиной. – Подождите здесь, – бросил он через плечо присутствующим.

Но Ариэлла даже не думала подчиняться приказу отца и последовала за ним.

Парадная дверь была распахнута. Раскрасневшийся дворецкий с трудом сдерживал добрую дюжину людей, намеревающуюся прорваться в дом. Завидя Клиффа, мужчины загомонили все разом:

– Капитан де Уоренн! Сэр, нам нужно поговорить с вами!

– Что здесь происходит, Петерсон? – обратился Клифф к дворецкому. – Ради всего святого, это же мэр Освальд! Впустите его.

Петерсон посторонился, и четверо мужчин, стоявших ближе всего к двери, ворвались внутрь.

– Сэр, позвольте представить: мистер Хоукс, мистер Лидс и один из его арендаторов сквайр Джонс. Нам нужно поговорить с вами. Боюсь, на дороге цыгане.

Ариэлла очень удивилась. *Цыгане?* Она с детства не видела цыганского табора. Возможно, ее пребывание в Роуз-Хилл окажется не таким уж и скучным. О цыганах девушка знала лишь то, что было почерпнуто ею в народном фольклоре. Она смутно припоминала экзотические музыкальные напевы, которые влекли ее в раннем возрасте.

– Точнее, капитан, они не на дороге, они разбили лагерь на землях Роуз-Хилл – прямо за следующим холмом от вашего дома! – вскричал толстяк мэр.

Все заговорили разом, и Клифф вскинул обе руки над головой:

– Давайте по очереди. Мэр Освальд, внимательно вас слушаю.

Трясущийся от негодования мужчина кивнул.

– Их никак не меньше пятидесяти! Появились сегодня утром. Мы надеялись, что они пройдут мимо, не останавливаясь, но они разбили лагерь на вашей земле.

– Если у меня пропадет хоть одна корова, я самолично вздерну цыганского воришку на первом же суку, – не выдержал сквайр Джонс.

Мужчины снова заговорили все разом. Ариэлла поморщилась, слушая рассказы о пропавших детях и диких собаках, бегущих непривязанными, о лошадях, которых сначала похищали, а затем продавали их же владельцам, но в таком виде, что узнать животных не представлялось никакой возможности.

– Ни одну безделушку в вашем доме – как и в моем тоже – больше нельзя оставить без присмотра! – прокричал один из тех мужчин, что по-прежнему толпились снаружи перед дверью.

– Молодые женщины сегодня просили милостыню на улице! – подхватил другой мужчина. – Какой позор!

– У меня два сына шестнадцати и восемнадцати лет! – раздался еще один кипящий праведным гневом голос. – Не хочу, чтобы их искушали цыганские шлюхи! Одна негодница уже пыталась предсказать им судьбу по ладони!

Пораженная выказываемыми людьми фанатизмом и страхом, Ариэлла посмотрела на отца. Не успела она сказать, что все эти обвинения беспочвенны, как Клифф снова поднял вверх руки, призывая к вниманию.

– Я разберусь с этим, – твердо заявил он. – Уверю вас, никого не убьют в собственной постели, ни у кого не похитят детей, лошадей, коров или овец. Время от времени мне доводилось встречаться с цыганами, и, смею вас уверить, сообщения о преступлениях и кражах чудовищно преувеличены.

Ариэлла вздохнула с облегчением. Сама она ничего не знала об этом народе, но ее отец, несомненно, прав.

– Капитан, сэр, лучше всего отослать их подальше. Они здесь неуютны. Это шотландские цыгане, сэр, из приграничных северных областей.

Клифф снова призвал собравшихся к тишине.

– Я переговорю с их бароном и лично прослежу, чтобы они сделали свои дела и отправились восвояси. Сомневаюсь, что цыгане намерены задержаться в наших краях. Они никогда этого не делают, предпочитая вести кочевой образ жизни. Вам не о чем волноваться. – Он посмотрел на дочь. В глазах его застыло приглашение.

Она немедленно поняла намек и с улыбкой ответила:

– Конечно же я иду с тобой!

– Только сестре не говори, – предупредил отец, проходя через расступившуюся толпу.

Ариэлла поравнялась с Клиффом, радуясь возможности ускользнуть из дому и не присутствовать за ужином.

– Диана выросла и стала излишне добродетельной и правильной особой.

Клифф рассмеялся.

– В этом она уж точно пошла не в меня – и не в свою мать, – сказал он. Затем, пристально посмотрев на дочь, серьезно добавил: – Она обожает тебя, Ариэлла. Только и говорила, что о твоём приезде в Роуз-Хилл.

Постарайся быть к ней терпимее. Я, конечно, понимаю, что на всем белом свете не сыщешь двух столь непохожих друг на друга сестер.

Ариэлла ощутила укол совести.

– Прошу прощения. Я очень плохая сестра.

– Я понимаю владеющую тобой жажду знаний, – произнес отец. – В твоём возрасте это много лучше, чем полное отсутствие страстей.

Девушка с благодарностью подумала о том, что отец отлично понимает ее. Внезапно улыбка ее померкла. Узкая извилистая тропа, по которой они шли, слилась с общественной дорогой. Глазам Ариэллы открылся удивительный вид. В неярких лучах заходящего солнца

всеми цветами радуги переливались дюжины две ярко раскрашенных кибиток. Поблизости бродили лошади, бегали и резвились дети, а пестрые наряды цыган добавляли в красочный калейдоскоп алые, золотые и пурпурные тона. Мэр был прав, говоря о количестве цыган. Их могло оказаться даже больше – человек шестьдесят – семьдесят.

– Ты сказал о цыганах правду? – с благоговейным трепетом в голосе прошептала девушка, когда они с отцом на мгновение остановились.

Ариэлла чувствовала себя так, словно внезапно перенеслась в чужую страну. Слуха ее достигали обрывки непонятных фраз, произнесенных гортанными голосами, а нос улавливал экзотические ароматы, возможно от воскуряемых благовоний. Кто-то мелодично наигрывал на гитаре. Лишь в счастливом смехе детей да неумолчной болтовне женщин девушка не чувствовала ничего чужеродного.

Улыбка Клиффа погасла.

– Мне доводилось прежде встречать цыганские племена, преимущественно в Испании и Венгрии. Многие из них действительно честные люди, но, к сожалению, они сторонятся чужаков, Ариэлла. Их недоверие к нам вовсе не беспочвенно, и зачастую они с гордостью обводят *gadjos* вокруг пальца.

Девушка была заинтригована.

– *Gadjos?* – переспросила она.

– Мы для них *gadjos* – нецыгане.

– Но ты сказал мэру и его друзьям, что волноваться не о чем.

– Есть ли смысл переживать и ожидать худшего? Мы же не знаем, как долго эти люди здесь пробудут и намереваются ли они красть. Впрочем, когда я в последний раз столкнулся с цыганским племенем в Ирландии, у меня похитили племенного жеребца – и я никогда больше не видел свое животное.

Ариэлла внимательно посмотрела на отца. Он говорил разумно, но в уголках его глаз притаилась скрытая решимость. Если что-то случится на его земле, он, не колеблясь, станет действовать.

– Ты уверен, что жеребца украл кто-то из цыган?

– Именно к такому я пришел выводу. Но, отвечая на твой вопрос, скажу, что на сто процентов уверен, что виновен кто-то другой. – Положив руку на плечо дочери, он улыбнулся ей, и они продолжили путь.

Вскоре они достигли ряда кибиток, которые были поставлены широким кругом. Внутри было выкопано несколько ям для костров. Ариэлла посерьезнела. Бегающие вокруг дети были босы, а собаки, как и все прочие животные, тощие и костлявые. Женщины таскали ведрами воду из ближайшего ручья. Ноша их была тяжела, но мужчины не помогали им, целиком поглощенные установкой кольев и натягиванием тентов, чтобы к наступлению темноты успеть разбить шатры. Ариэлла внимательнее присмотрелась к цыганкам. Лица их были смуглы, обветренные и испещрены сетью морщин. Их разноцветные одежды пестрели заплатками. Длинные черные волосы они носили распущенными или заплетали в косы. У женщины, находящейся к ним ближе всех – она поспешно вынимала вещи из кибитки, – к спине был платком привязан младенец.

Ариэлла осознала, как трудна жизнь этих людей, и в этот момент поняла, что разговоры и смех стихли. Даже гитарист прекратил играть.

Женщины оторвались от своих дел и с любопытством глазели на чужаков. Мужчины последовали их примеру. Дети попрятались в кибитках и теперь украдкой выглядывали оттуда. Повисла напряженная тишина, время от времени нарушаемая лишь лаем собак.

Ариэлла почувствовала озноб. Цыгане явно не рады были их приходу.

Из толпы выступил огромный, похожий на медведя мужчина с черными нечесаными волосами, преграждая путь Клиффу и его дочери. Его красная рубаха, подпоясанная черно-

золотистым кушаком, была щедро украшена вышивкой. По обеим сторонам от него как по команде выросли четверо мужчин помоложе, таких же высоких и черноволосых, как и их предводитель. В глазах мужчин застыло враждебно-настороженное выражение.

Послышался топот копыт. Ариэлла обернулась на звук и увидела всадника на великолепном гнедом жеребце, скачущего к лагерю. Достигнув ряда кибиток, он спешил и направился к цыганам. В отдалении девушка заметила еще одного всадника.

Ариэлла принялась рассматривать вновь прибывшего. Одет он был в простую белую батистовую рубашку, хорошо скроенные замшевые бриджи и высокие, покрытые грязью ботфорты. Пальто на нем не было, а рубашка была распахнута на груди почти до пупка. С тем же успехом этот человек мог бы расхаживать и голым. Ни один англичанин не отважится появиться на людях в таком виде. Этот мужчина был высок ростом, широкоплеч и хорошо сложен. Кожа его не была такой смуглой, как у остальных цыган, а волосы имели каштановый оттенок, который в лучах заходящего солнца казался золотисто-рыжим. Так как он все еще находился на значительном расстоянии, Ариэлла не могла рассмотреть его детальнее, но с удивлением обнаружила, что сердце ее забилось быстрее.

Клифф взял ее под локоть, побуждая продолжить движение. Теперь девушка слышала, что незнакомец разговаривает с цыганами на их непонятном гортанном языке. В его голосе слышались повелительные интонации, и Ариэлла поняла, что именно он здесь главный.

В это мгновение мужчина посмотрел на них.

Перехватив взгляд холодных серых глаз, Ариэлла задохнулась от неожиданности. *Какой же он красивый.* Его пронзительные глаза были обрамлены невероятно длинными ресницами, а скулы были аристократичны и высоки. Незнакомец имел прямой нос и крепкую челюсть. За всю свою жизнь ей не приходилось встречать столь совершенного представителя противоположного пола.

Ее отец выступил вперед:

– Я Клифф де Уоренн. Кто здесь *vaida*?⁶

Снова повисла напряженная, зловещая тишина. Ариэлла воспользовалась моментом, чтобы внимательнее рассмотреть цыганского вожака. Разумеется, он не был англичанином. Его кожа все же была слишком смугла, одежда слишком откровенна, а волосы, свисающие до плеч, слишком длинны. Отдельные волоски прилипли к его потной шее.

Ариэлла покраснела, но взгляда не отвела. Теперь она изучала полные, крепко сжатые губы мужчины. Кожа на груди у него была темно-бронзового оттенка, и девушка заметила, что он носит золотой нательный крестик. Она еще сильнее залилась краской и отлично понимала, что неприлично столь пристально рассматривать незнакомца, но ничего не могла с собой поделать. Она наблюдала, как под тонкой тканью рубашки медленно и ритмично вздымается и опускается его грудь. Взгляд ее переместился чуть ниже, к его крепким, мускулистым узким бедрам, плотно обтянутым бриджами и слишком подробно обрисовывающим подробности мужской анатомии.

Почувствовав, что он тоже на нее смотрит, она подняла голову и вторично встретила с ним глазами.

Щеки девушки полыхнули пламенем. Осознав, что ее поймали, она тут же стала смотреть в сторону. «*Да что со мной такое творится?*» – недоуменно спрашивала она себя.

– Мое имя Эмилиан. Можете говорить со мной, – произнес мужчина с легким акцентом.

– Как я вижу, вы уже почти разбили лагерь на моей земле, – ответил Клифф. В голосе его звучала сталь.

Ариэлла снова посмотрела на сероглазого цыгана, но его вниманием целиком завладел ее отец. Девушка никак не могла понять причины своего сильного волнения. Никогда прежде

⁶ Главный, предводитель (*цыганск.*).

она не ощущала столь отчетливо присутствие мужчины. Очевидно, сейчас это происходило потому, что незнакомец оказался для нее загадкой. Одет он был так, как англичанин, находящийся у себя в *boudoir*⁷, – за исключением того, что этот мужчина пребывал на людях. Он прекрасно изъяснялся по-английски, но в то же время знал язык цыган.

Эмилиан одарил Клиффа пренебрежительной улыбкой.

– С незапамятных времен, – спокойно произнес он, – Господь дал цыганам право свободно бродить по свету и ночевать там, где захочется.

Ариэлла вздрогнула. Она распознала брошенный вызов и отлично понимала, что, хотя Клифф пришел, чтобы цивилизованно обсудить ситуацию, все могло оказаться гораздо сложнее. В серых холодных глазах цыгана светилась жестокость.

Отец ответил столь же пренебрежительной улыбкой:

– Это вы так считаете. Недавно правительство Англии приняло закон, ограничивающий места стоянок цыган и прочих бродяг.

Эмилиан гневно сверкнул глазами:

– Ах да, законы вашего народа, позволяющие безнаказанно повесить человека за то лишь, что он путешествует в кибитке.

– На дворе девятнадцатый век. Мы не вешаем путешественников.

На лице мужчины появилась ледяная улыбка.

– В вашем понимании быть цыганом – значит быть преступником, заслуживающим лишь смерти. Вот что у вас за *законы*.

– Сомневаюсь, что ваше прочтение закона верно. Никто не вешает людей лишь на основании того, что они цыгане. Но это не меняет того факта, что вы находитесь на моей земле.

– Оставьте ваш снисходительный тон, де Уоренн, – спокойно сказал Эмилиан. – Законы мне известны. Что же касается лагеря, в таборе находятся женщины и дети, слишком усталые, чтобы продолжать путь ночью. Боюсь, мы останемся здесь.

Ариэлла насторожилась. Ну почему этот цыган ведет себя столь воинственно? Ей было отлично известно, что отец не станет прогонять этих людей на ночь глядя. Но, видя появившееся на лице Клиффа раздражение, девушка понимала, что столкновения не миновать.

– Я не прошу вас немедленно убраться, – решительно заявил отец Ариэллы, – но вы должны дать мне слово, что не станете творить бесчинства.

Сероглазый цыган воззрился на него.

– Уж постараемся не украсть ожерелье этой дамы, пока она будет спать, – презрительно ответил он.

Ариэлла почувствовала, как напрягся ее отец. Его голубые глаза полыхнули гневом.

– Эта дама моя дочь, *vaida*, поэтому я требую говорить о ней с должным уважением – или не говорить вовсе.

Девушка быстро выступила вперед, опасаясь, как бы мужчины не бросились выяснять разногласия с помощью кулаков. Воздух искрился разлитой в нем яростью. Она улыбнулась цыгану, и он прищурился.

– Сэр, мы с радостью предоставим вам ночлег. Как видите, места вполне достаточно. Мой отец обеспокоен лишь оттого, что жители города пришли в волнение, являющееся следствием их неведения. – Она произносила слова в спешке и очень волновалась.

Эмилиан воззрился на девушку. От этого взгляда улыбка ее поблекла и исчезла совсем.

Клифф разозлился:

– Ариэлла, немедленно возвращайся в дом.

⁷ Будуар (*фр.*).

Девушка была поражена. Многие годы отец не говорил с ней командным тоном. И как это их невинный визит вдруг перерос в открытый конфликт? Она подошла к отцу и обратилась к нему, понизив голос:

– Ты же позволишь цыганам остаться на ночь, не правда ли? – Для нее это стало вдруг чрезвычайно важно. – Уверена, их вожак вовсе не намеревался оскорбить нас. Папа, тебе же известно, как сильно их образ жизни отличается от нашего. Возможно, он и не осознавал, что говорит недипломатично. Пожалуйста, не суди его поспешно.

Выражение лица Клиффа несколько смягчилось.

– Ты слишком добра, на свою беду. Уверю тебя, этот человек держался грубо умышленно. Но я не стану относиться к нему с предубеждением.

Испытывая небывалое облегчение, девушка повернулась к цыгану, собираясь улыбнуться ему, но он одарил ее таким пронзительно-враждебным взглядом, что ее намерение тут же испарилось. Выражение лица мужчины было хищным, и можно было даже решить, что в его голове бродят самые непристойные мысли касательно ее. Ариэлла судорожно сглотнула, не в силах отвести взгляд.

– Мы цыгане, – ей, и только ей сказал Эмилиан. – Я не нуждаюсь в вашей защите, и мои люди тоже.

Итак, он слышал ее слова, обращенные к отцу. В этот момент она позабыла, что рядом с ней по-прежнему стоит Клифф, а молодой цыган окружен четырьмя приятелями. Казалось, что они остались наедине. Каждой клеточкой своего тела она ощущала источаемую им невероятную притягательность. Сердце ее быстро и почти болезненно колотилось в груди, и ей стало казаться, что она слышит и биение сердца Эмилиана тоже, хотя они стояли на значительном расстоянии друг от друга.

– Прошу прощения, – хрипло прошептала она. – Да, вы цыгане, мне это отлично известно.

Она медленно опустила ресницы, но была почти уверена, что он продолжает смотреть на нее, хотя наверняка сказать не могла. По телу ее пробежала дрожь, оставив странное ощущение в желудке. Тело испытало новое, неведомое прежде томление.

Клифф выступил вперед.

– Возвращайся домой, Ариэлла, – резко приказал он.

Отец был разгневан потому, что этот цыган позволил себе слишком откровенно пялиться на нее.

– Почему бы нам обоим не отправиться домой? – предложила она. – Уже поздно, да и ужин стынет.

Клифф продолжал холодно смотреть на Эмилиана, не обращая на слова дочери ни малейшего внимания.

– Я и так был слишком добр, позволив вам остаться на моей земле на ночь. Но взгляды свои обращайтесь на тех, на кого позволено, – женщин вашего племени.

Цыган пожал плечами.

– О да, вы очень *добры*, – с издевкой произнес он. – Но благодарности ожидать все же не стоит.

Ну почему он напрашивается на конфликт? – недоумевала Ариэлла. Зачем держится столь враждебно?

– Помните, что утром вы должны уехать, – непреклонным тоном произнес Клифф. – Идем, Ариэлла.

Уходить девушке не хотелось, но и оставаться причин не было. Отец уже отвернулся, а она все продолжала беспомощно смотреть в глаза цыгану. Он тоже смотрел на нее. Ни один мужчина прежде так на нее не смотрел. Ариэлла вдруг с ужасом осознала, что означает такой взгляд.

Этот мужчина не похож на прочих. Ей захотелось убежать от отца и вернуться к нему.

На губах цыгана появилась тень улыбки, словно он понимал, какое влияние имеет на нее. Отец взял ее за руку и потянул за собой. Ариэлла отвернулась, и в этот момент раздался протяжный женский крик.

Девушка снова обратила взор на Эмилиана.

– Что это? Кто-то ранен? – чуть слышно спросила она.

Он схватил ее за руку и прошептал в ответ:

– В вашей помощи она точно не нуждается, *gadji*.

Ариэлла едва могла дышать, всем своим существом ощущая прикосновение его большой, сильной, горячей ладони. Дыхание мужчины омывало ей щеку, и их бедра соприкасались. В следующее мгновение он отпустил ее.

Все произошло так быстро, и это ошеломило девушку. Эмилиан жестко сказал:

– Мы сами позаботимся о своих. – Подняв глаза на Клиффа, он непреклонно добавил:

– Уведите прочь свою принцессу-дочь и объясните ей, что мы не жалуем *gadjos*. Утром мы продолжим путь.

– Я могу послать за доктором, – дрожащим голосом предложила девушка, но отец осадил ее.

– Именно так вы, *цыгане*, и должны относиться к моей дочери – как к принцессе. Не смейте и пальцем ее снова касаться! – бушевал он.

– Отец, перестань! – вскричала потрясенная Ариэлла, все еще отчетливо ощущающая прикосновение Эмилиана. – Он не хотел обидеть меня, я уверена! Случившееся – полностью моя вина.

Но раздосадованный Клифф снова не услышал слов дочери.

– Проследите, чтобы ничто и никто не пропал посреди ночи. Если будет похищена хоть одна лошадь, корова или овца, я привлеку к ответственности вас лично, *vaida*.

Эмилиан сухо улыбнулся в ответ, но ничего не сказал.

Ариэлла поверить не могла, что ее отец может говорить столь угрожающе. Спотыкаясь, она побрела за ним, но все же не смогла побороть соблазна и еще раз обернулась.

Неподвижный, как каменное изваяние, *vaida* взирал на них. Даже на расстоянии, отделяющем его от них, девушка ощущала силу его презрения – и некую решимость, понять которую было выше ее сил. Он отвесил ей поклон столь же элегантно, как это сделал бы кавалер на балу, но глаза его при этом светились дьявольским огнем, что несколько портило впечатление. Глубоко вздохнув, Ариэлла продолжила путь.

Что же он за человек? – недоумевала она.

Эмилиан не сводил глаз с удаляющегося *gadjo* и его прекрасной дочери. Все его существо переполняла ненависть к де Уоренну, а в голове звучали отголоски слов, которые девушка сказала в защиту его непочтительного поведения. Его терзали гнев и внутренние противоречия. Он не нуждается в защите ни этой девушки, ни какого-либо иного *gadjo*. К чему ему ее доброта? До доброты ему нет никакого дела.

Чресла его налились силой. Для человека его положения Ариэлла действительно была все равно что принцесса – красивая, идеальная дама голубых кровей, которой он никогда не будет представлен в свете. Однако, несмотря на социальные различия, взгляд ее был исполнен того же вожделения, что и у всякой иной женщины, мечтающей провести с ним ночь, – как будто ей не терпится сорвать с него одежду и покрыть поцелуями его тело.

У Эмилиана вырвался невеселый смешок. Любовниц-*gadjis* он менял почти с такой же частотой, как одежду. Все эти жены и вдовушки пользовались им исключительно для удовлетворения собственной похоти, он же ими – в гораздо более изощренных целях. Он испытывал удовлетворение от осознания того, что спит с супругой соседа, который презрительно смотрит на него сверху вниз. Да, его воспитывал англичанин, и он являлся *didikoi* – полукровкой – но

*budjo*⁸ было у него в крови с самого рождения. Человек, скосивший траву у соседа и продавший ему же эту траву, считается у цыган ловкачом. Украсть то, что принадлежит другому человеку, да еще и извлечь из этого выгоду, прежде чем вернуть владельцу, – это отличное мошенничество. Каждый цыганин с молоком матери впитывает *budjo*. *Budjo* – это насмешка, месть за несправедливое отношение к цыганам во всем мире.

Он мог бы развлечься с дочерью де Уоренна, если бы только пожелал. Представив, какой податливой она станет в его руках, Эмилиан испытал новый неистовый прилив возбуждения. Он ни секунды не сомневался в собственном умении убеждать, как не сомневался и в том, что Клифф де Уоренн не колеблясь убьет его, едва узнав об этом.

Искушение было велико, потому что девушка очень красива. Он знал, что, покинув его ложе, она станет шептаться о нем за его спиной. Все женщины одинаковы. Его пассии не могли дожидаться удобного момента, чтобы обсудить с подругами достоинства своего цыганского любовника – как будто племенного жеребца выбирали. Дочь де Уоренна была незамужней, но, судя по тому взгляду, которым она с ним обменялась, не такой уж неискушенной. Эмилиан решил, что было бы любопытно уложить ее в постель.

При этой мысли он почувствовал легкий укол, словно шестое чувство старалось предостеречь его, но он не мог бы сказать наверняка.

– Эмилиан.

Молодой человек поспешно обернулся, обрадовавшись, что его размышления прервали. Но его мгновенное облегчение сменилось беспокойством, едва он увидел серьезное лицо дяди.

– Женщина?

– Моя жена. Она рождает младенца, – пояснил Стеван.

Эмилиан немедленно ощутил разлившееся в груди тепло. Восемь лет назад он уже встречался с другими детьми дяди, но не мог бы ответить, сколько их всего и как их зовут. *А теперь на подходе еще один.*

Молодой человек испытал небывалый прилив эмоций. К глазам его подступили слезы, сердце наполнилось радостью. Как же много времени провел он вдали от своей семьи! Роберт, который всегда презирал и унижал его, конечно, не в счет. Стеван и его дети, Райза, Джаэль – вот его настоящая родня. Несмотря на то что он *didikoi*, эти люди безоговорочно приняли его, невзирая на его нечистую кровь, в отличие от англичан, которые так никогда и не стали считать его своим. Даже у Эдмунда были сомнения. В таборе Эмилиан не чувствовал себя изолированным или одиноким, не ощущал различий, не был чужаком.

Стеван обхватил себя руками за плечи.

– Ты стал совсем взрослым. Джорди говорит, у тебя богатый дом.

– Это я сделал его таковым, – честно ответил Эмилиан, вытирая глаза. Он не мог вспомнить имени жены Стевана, и ему было за это очень стыдно.

Стеван улыбнулся:

– Много *budjo*, а?

Молодой человек ответил не сразу. Он сделал имение процветающим не с помощью цыганского *budjo*, а ценой упорной работы, как истинный англичанин. Но дяде о своем честном напряженном труде он говорить не стал, предпочтя списать все на мошенничество.

– Да, очень много *budjo*, – солгал он.

Стеван кивнул, но улыбка его померкла.

Эмилиан напрягся. Чувствовал он себя так, словно сотни ножей впились ему в чресла.

– Зачем ты искал меня? – поинтересовался он.

⁸ Мошенничество, надувательство, обман (цыганск.).

Стеван замаялся, не зная, как лучше ответить, и в этот момент из-за кибиток выпорхнула молодая цыганка, взметнув вихрь своих ярко-красных юбок. Она была босиком. Замерев неподалеку от них, вскричала:

– Эмилиан! – и густо покраснела.

Он тут же узнал черты лица Райзы в ее молодом привлекательном личике и задохнулся от изумления, понимая, что перед ним его сестра, только теперь ей не двенадцать, а двадцать лет.

Радостно улыбнувшись, цыганка бросилась в объятия брата.

Эмилиан и сам не сумел сдержать улыбки, искренней и открытой, которая не появлялась на его губах уже много лет и которая зарождается в сердце. На мгновение он привлек девушку к себе, наслаждаясь крепким объятием совсем иного рода, нежели с одной из его многочисленных любовниц, которые ничего для него не значили.

– Джаэль! – воскликнул он, отпуская сестру и не переставая улыбаться. – Ты стала совсем взрослой! И такой красавицей! Я поражен.

– Ты бы предпочел, чтобы я превратилась в дурнушку? – со смехом отозвалась она, отбрасывая назад волны густых черных волос, в которых поблескивали темно-рыжие всполохи. Глаза ее были цвета янтаря.

– Никогда! – сказал он и поинтересовался, почти страхась услышать ответ: – Ты замужем?

Девушка отрицательно покачала головой:

– Нет здесь желанного мне мужчины.

Эмилиан не сумел бы сказать, обрадовали его слова сестры или нет.

Стеван ворчливо добавил:

– Много достойных цыган просили ее руки, но она всем отказала.

– Когда я захочу выйти замуж, сразу же пойму это, но пока такого желания у меня не возникало. – Она прикоснулась к лицу брата. – Ты только посмотри на себя! Совсем стал как *gadjo*! Да еще и богач к тому же – так Джорди говорит. Но разве могут деньги заменить просторы дорог и сияние звезд над головой?

Улыбка Эмилиана поблекла. Хотя ребенком он много раз пытался сбежать из Вудленда, в конечном счете он все же решил остаться. После смерти Эдмунда он не раздумывая вступил в наследство имением. Что ему было ответить сестре? Сейчас, находясь в кругу своей настоящей семьи, молодой человек начал сомневаться в правильности принятых им решений.

– Я полукровка, – сказал он, стараясь придать своему голосу веселость. – Вудленд – хорошее место, но все же я тоскую по дорогам и ночному небу. – Едва слова слетели у него с языка, он с болью осознал, насколько они справедливы. Ему действительно недоставало Джаэли, Райзы и дяди, но до настоящего момента он этого не осознавал.

Сестра подергала его за рукав:

– Так поехали с нами, хоть на время.

Эмилиан колебался. Искушение было слишком велико.

Стевана также, казалось, переполняли сомнения.

– Джаэль, тебе же известна поговорка: у полукровок и сердце пополам. Не думаю, что наш образ жизни долго будет радовать твоего брата. – Он посмотрел на племянника. – Его воспитали как *gadjo*. Наша жизнь лучше, но он этого не понимает.

Заслышав слова дяди, Эмилиан напрягся. Зов дорог призывно звучал в ушах, но у него имелись определенные обязательства. Молодой человек представил себя склонившимся над рабочим столом, до рассвета разбирающим бумаги или стоящим поодаль от прочих дам и джентльменов в большом зале, куда он явился ради заключения выгодной сделки. Потом он вспомнил, что делал вчера: проводил время в постели жены соседа, доводя их обоих до исступленного восторга. Из таких простых событий – дел имения и любовных походов – и складывалась его повседневная жизнь.

– Возможно, так и есть, – медленно протянул Эмилиан. Его слова вовсе не означали, что он согласен отправиться странствовать с табором.

Джаэль чуть не прыгала от нетерпения.

– Какой у тебя странный акцент! Совсем не цыганский, Эмилиан!

Он покраснел. На своем родном языке он не говорил вот уже восемь лет.

Стеван прикоснулся к его руке, привлекая внимание.

– Не хочешь ли поговорить со своей сестрой?

Эмилиан посмотрел на девушку, лучащуюся счастьем и энтузиазмом. Он не хотел разочаровывать ее и надеялся, что ее добродушие пребудет с ней до конца ее дней. Молодой человек поймал себя на мысли, что мечтает показать ей Вудленд, пока *kumpa'nia* не уйдет на север. Он мог бы так много предложить ей теперь – вот только она предпочитала жить среди цыган.

Он как наяву видел сестру в своем доме *gadjo*, облаченную в платье *gadji*. Эмилиан напрягся, потому что это было неправильно. Он в упор посмотрел на дядю.

– У нас с Джаэлью вся ночь впереди – и еще много времени для разговоров в будущем. – Он улыбнулся девушке. – Может быть, мне удастся найти тебе мужа, *jel'enedra*⁹.

Она состроила гримасу:

– Благодарю, но нет. Я стану охотиться в одиночку – и выбирать буду по своему вкусу.

– Ах, какая независимая! – поддразнил он. – Устроишь облаву, значит?

Она наградила его взглядом, в котором застыла боль. Джаэль вовсе не была наивной девственной изнеженной английской розой.

– Когда он появится, я поохочусь на него. – Привстав на цыпочки, она чмокнула брата в щеку и убежала.

Эмилиан молча воззрился ей вслед.

– Не беспокойся, – произнес Стеван, – она гораздо менее искушенна, чем хочет казаться, и просто играет в женщину, вот и все. Иногда мне кажется, что ей все еще пятнадцать лет.

– Но ей гораздо больше лет, – сухо возразил Эмилиан. Цыганские понятия об этике и морали сильно отличались от принятых в мире *gadjos*. Было бы странно узнать, что Джаэль – невинная девушка, когда речь заходит о страсти. – Ей уже пора выходить замуж, – отрезал он. Он не хотел, чтобы его сестрой воспользовались, а после выбросили за ненужностью, как произошло с их матерью.

Стеван рассмеялся:

– Ты говоришь как самый настоящий брат!

Эмилиан не улыбнулся в ответ. Он выжидал.

Его дядя тоже посерьезнел.

– Идем со мной.

Он повиновался, терзаемый дурным предчувствием.

В ночном небе сияли тысячи звезд, а деревья что-то тихонько нашептывали, когда они проходили мимо.

– Ее здесь нет, – произнес молодой человек. Это не было вопросом.

– Нет.

– Она мертва?

Стеван остановился и положил обе руки на плечи племяннику.

– Да, Райзы больше нет в живых. Мне очень жаль.

Эмилиан больше не был двенадцатилетним мальчишкой и не имел права плакать, но на глаза его навернулись слезы. *Его мать мертва*. Райза умерла – и его не было рядом с ней. Она умерла – а он не видел ее долгих восемь лет.

– Что случилось, черт подери?

⁹ Младшая сестренка (*цыганск.*).

– Что всегда случается с цыганами? – вопросом на вопрос ответил Стеван. – Она предсказывала судьбу на ярмарке в Эдинбурге. Одной леди очень не понравилось ожидающее ее будущее, и она вернулась со своим джентльменом и потребовала обратно свой шиллинг. Твоя мать отказалась вернуть деньги. Вокруг стала собираться толпа, и вскоре все уже кричали на Райзу, обвиняя ее в мошенничестве, попрошайничестве и краже их денег. К тому времени, как я обо всем узнал и поспешил к ее прилавку, люди принялись закидывать ее камнями. Райза пыталась укрыться за столом, используя его на манер щита, иначе она давно была бы мертва.

Эмилиан стоял неподвижно, и перед его мысленным взором предстала ужасная картина: его мать съезжилась за хлипким деревянным столом, используемым для игры в карты.

– Я продрался сквозь толпу, и в меня тоже полетели камни, – продолжил рассказывать Стеван. – Я схватил Райзу – она была ранена в голову, Эмилиан, и истекала кровью. Закрывая ее своим телом, я попытался увести ее. Она шагала с таким трудом, что я на мгновение выпустил ее. Я почти успел подхватить ее, но она все же упала и ударилась головой. Больше она не встала.

Молодой человек хотел кивнуть, но обнаружил, что не в силах пошевелиться. Он представлял свою мать лежащей на булыжной мостовой, взгляд ее широко раскрытых глаз устремлен в пространство, из раны на голове течет кровь.

Стеван обнял его.

– Райза была хорошей женщиной и очень сильно любила тебя. Ах, как она тобой гордилась! Господь наделил нас хитростью, чтобы мы могли приспособиться к жизни в мире *gadjos*. Однажды они заплатят. Они всегда платят. Мы заставляем этих дураков заплатить. – Он зло сплюнул себе под ноги. – Я рад, что ты воспользовался *budjo*, чтобы обхитрить *gadjos* и разбогатеть! – Он снова сплюнул, придавая таким образом своим словам большую убедительность.

Эмилиан осознал, что плачет. Он не плакал с той самой ночи много лет назад, когда его силой вырвали из материнских объятий и цыганской жизни. Его запер какой-то англичанин, клявшийся, что отвезет его к его отцу-*gadjo*. Он был закован в цепи, как люди, которых видел время от времени направляющимися на виселицу – некоторые из них были цыганами, другие нет. Он плакал от страха и одиночества, но, устыдившись собственной слабости, сумел осушить слезы до того, как тот ужасный англичанин вернулся. Сейчас же его слезы рождались в его израненном сердце. Боль была столь ошеломляющей, что грозила в любую секунду разорвать Эмилиана на части.

Его не было рядом с матерью, чтобы защитить ее, уберечь ее. Он утер слезы.

– Когда?

– Месяц назад.

Он с трудом мог дышать. *Ее больше нет.* На место скорби пришло чувство вины.

Месяц назад он был с головой погружен в дела *gadjo*. Он перестраивал свою беседку *gadjo*. Дни и ночи напролет проводил в постели своей любовницы-*gadji*.

А все потому, что он решил остаться жить с Эдмундом, когда мог бы оставить его.

Он предпочел мать отцу – а теперь Райза мертва.

– Они всегда платят, – яростно повторил Стеван.

Эмилиан всем сердцем желал, чтобы убийцы получили по заслугам. Он ненавидел их всех. Всех до единого. На глаза снова навернулись слезы, слезы бессилия. Он не знал ни одного убийцы, которого мог бы покарать. Ну почему его не было рядом с матерью, чтобы спасти ее? Чувство вины подтачивало его, как червь, а ярость наполняла невиданной силой. Будь прокляты эти *gadjos*, подумал он. Будь они все прокляты.

Потом мысли его обратились к де Уоренну и его дочери.

Глава 3

Опустив голову, он бродил вокруг лагеря, обуреваемый гневом. Гнев для него был предпочтительнее горя. Страх Райзы, должно быть, не знал границ. Но даже самый сильный гнев не мог заглушить голос вины. Его мать убили *gadjos*, в то время как сам он жил их жизнью. Он никогда не простит себя за то, что навестил Райзу всего лишь однажды за прошедшие восемнадцать лет.

– Эмилиан.

Заслышав голос Джаэли, он замер на месте, осознав, сколь эгоистично его горе. Стеван заботился о его сестре, но он не мог заменить ей мать. Отцом Джаэли был какой-то шотландец, которого совершенно не заботила судьба своей незаконнорожденной дочери, потому что у него была шотландская семья и жена.

– Иди сюда, *edra*¹⁰, – позвал он, принуждая себя улыбнуться.

Одного взгляда в лицо девушки было достаточно, чтобы понять, что ее что-то тревожит. Она дотронулась до руки Эмилиана.

– Я тоже опечалена. Каждый день я скорблю. Но ничего уже не поделаешь. – Она пожала плечами. – Однажды я заставлю *gadjos* заплатить.

Он напрягся:

– Ты этого не сделаешь. Предоставь мне право мести.

– Я обладаю этим правом даже в большей степени, чем ты! – вспыхнула Джаэль. – Ты едва знал Райзу!

– Но она была моей матерью. Меня забрали у нее силой. Я не просил этого.

Девушка смягчилась:

– Прости меня, Эмилиан. Конечно же ты прав. – Она немного помолчала, испытующе глядя на брата своими янтарными глазами, затем добавила: – Когда я была маленькой, ты однажды навещал нас. Помнишь? Счастливое то было время.

– Да, помню, – отозвался он, уверенный, что точно знает, куда клонит его сестра.

Она смотрела на него молча, и Эмилиан думал о том, как он прожил в таборе целый месяц – а потом внезапно уехал.

– О чем ты хочешь меня спросить?

– Ты богат, как король, и над тобой нет хозяина. Но почему же ты так никогда и не вернулся к нам? Ко мне? Цыганам ты предпочитаешь *gadjos*? Их жизнь тебе больше по вкусу? Ты приходил, когда я была ребенком, но ты не остался!

Джаэль говорила с жаром, настойчиво, в глазах ее блестели слезы. Эмилиан понимал, что этой маленькой женщине, которая так любит его и так предана ему, важно услышать его объяснение. Он взял ее за руку и, хотя чувствовал себя при этом неуютно, не отпустил ее ладони. Молодой человек осознал, что еще несколько дней назад он ответил бы по-другому, но сейчас над ними черным ужасным покрывалом нависала смерть их матери. В сердце его поселилась скорбь, смешанная с виной, а гнев угрожал в любую минуту разорвать его на куски.

– Я уехал, потому что получил известие о смерти отца, – честно ответил он. – Но в мои намерения не входило остаться в *kumpra'nia*. Я был очень молод и мечтал о путешествии с цыганами, поэтому и присоединился к вам. Для меня это было приключение, *jel'enedra*.

Эмилиан вспомнил, что через несколько дней бесцельной поездки им овладела страшная скука. В последующие годы он позабыл о разочаровании, так как оно было вытеснено новостью о смерти Эдмунда. Но, находясь в дороге с цыганами, он думал лишь об обязательствах,

¹⁰ Сестра (цыганск.).

связанных с именем. Путешествие не доставляло ему радости, но позднее он уверил себя, что это оттого, что он был слишком молод. Теперь же все по-другому.

– Я не знаю, какую жизнь выбрал бы сейчас и чего я хочу, – растягивая слова, произнес Эмилиан. – Долгое время я вел жизнь англичанина, но нам обоим известно, что в действительности я *didikoi*. – Сердце его неистово колотилось в груди. Он являлся изгоем, и ничто не сможет изменить этого факта в будущем. Прежде он попросту игнорировал его. – Но одно я знаю наверняка – я рад, что у меня такая сестра.

Глаза Джаэли широко распахнулись.

– Не знаешь, чего хочешь? Каждый человек способен понять зов своего сердца!

Эмилиан рассмеялся:

– Я рос с мыслями о *kumpra'nia*. Иногда, находясь в одиночестве у себя в спальне, я наигрывал на гитаре наши мелодии. Даже несмотря на то, что я решил стать *gadjo*, потому что об этом меня просил отец, я всегда знал, что мой народ – наш народ – бродит где-то по свету и, возможно, ожидает моего возвращения. Но в Вудленде у меня были обязанности, и я принял их. Тебе сложно будет понять мое смятение. Я и сам никогда его не осознавал до конца. Временами я чувствовал себя так, словно во мне сосуществуют два абсолютно разных человека.

– А сейчас ты все еще в смятении? – неуверенно поинтересовалась девушка.

– Нет. Ведь сегодня ты со мною рядом. Сегодня я жаждал прийти сюда. Сегодня я цыган. Сегодня это все, что мне нужно. – Он сделал широкий жест рукой, указывая на табор. – Вчера я сидел в библиотеке Вудленда со своим управляющим и мэром близлежащей деревушки и обсуждал дела. – Он покачал головой, потому что говорить ему стало очень трудно. – За глаза они называют меня цыганом, но все равно хотят, чтобы я направлял их. Требовалось разрешить одно юридическое дело, и они нуждались в моем совете, потому что ни у кого в Дербишире нет такого образования, как у меня. – Какая глубокая ирония таилась в его словах! – В действительности я не принадлежу к их обществу, но много лет назад выбрал жизнь в Вудленде. Это *мое* имение. И очень хорошее место. Я не намерен жениться, но, если бы у меня был сын, я передал бы Вудленд *ему*. Можешь ты это понять? – Произнеся эти слова, Эмилиан не был уверен, что сам до конца осознает то, что говорит.

– Как мне понять твою привязанность к земле? Владение землей меня совсем не заботит, и так будет всегда. Цыгане, у которых есть дом, не настоящие. Ты больше англичанин, чем один из нас. – Джаэль отерла слезы. – Но мне уже давно это известно. И наша мама тоже это знала. – Девушка отвернулась.

Он схватил ее за плечи:

– Нет другого места, более желанного мне, чем здесь и сейчас. Вот что для меня справедливо, Джаэль.

Она пристально взглядела в его глаза:

– Но как долго это продлится? Когда мы тронемся в путь, ты не последуешь с нами, не так ли?

Эмилиан смотрел на сестру, но видел перед собой не ее, а Райзу, распростершуюся замертво на мощеной мостовой. Из раны в голове течет кровь, а вокруг толпится народ, довольный увиденным зрелищем. Пульс молодого человека участился. Хотел ли он вернуться к привычной жизни в имении? Его там ожидает масса дел! А как же жизнь, которой он пожертвовал ради Вудленда?

Он понимал, что должен Райзе гораздо больше, нежели сыновнее уважение. И Джаэли тоже.

В это мгновение зазвучал мощный мелодичный аккорд, взятый на гитаре, протяжный и навязчивый. Внезапно гитарист изменил темп и заиграл живо и весело, как на празднике. Его мелодия резко диссонировала с владевшими Эмилианом гневом и отчаянием – а также с его смятением.

– У нас появился кузен, – с нежностью в голосе пояснила Джаэль. – Пришло время отпраздновать его рождение.

Таков был цыганский обычай. Девушка потянула брата в центр лагеря. К звукам одиночной гитары присоединилась еще одна, а также скрипка и цимбал. Звучал людской смех, все хлопало в ладоши в такт музыки. Почувствовав душевное томление, Эмилиан заволновался.

Джаэль отпустила его ладонь и устремилась в центр площадки, где уже танцевали четыре молодых цыгана: руки скрещены на груди, каблуки отбивают ритм. Девушка подобрала длинные юбки и закружилась в вихре музыки. Ножки ее мелькали с ужасающей быстротой, волосы разлетались во все стороны. Она воздела руки к небу, извиваясь в кругу четырех цыган, и Эмилиан, глядя на сестру, смягчился и заулыбался.

Танцующих окружило плотное кольцо людей: мужчин, женщин, детей. Молодой человек заметил Стевана и его жену, склонившуюся над завернутым в одеяло младенцем. Теперь он вспомнил ее имя – Симша. Все ритмично хлопало в ладоши, и Эмилиан ощутил, как музыка заполняет его полое томящееся тело. Кровь его разыграла в жилах, ему стало очень жарко. Такова была цыганская жизнь, простая и приятная.

Как же много времени прошло.

Райзу убили, и он позволил *gadjos* выйти сухими из воды. Конечно же рано или поздно он отомстит им. Но только не нынешней ночью.

Нынешней ночью они будут праздновать приход в этот мир новой жизни.

К танцорам присоединились другие мужчины и женщины. Перед Эмилианом кружилась цыганка с волосами цвета черного дерева, одетая в пурпурно-золотые юбки. Взгляд ее, обращенный к нему, был томным и призывным.

Она была красавицей с роскошным телом и по возрасту подходила ему. Не понять смысл ее приглашения было просто невозможно. Он смотрел на ее ноги, обнажившиеся гораздо больше, чем того требовал танец. В целом мире не сыщешь любовницы лучше цыганки.

Она опустила юбки и, подняв руки над головой, принялась медленно извиваться, что диссонировало с быстрым ритмом музыки. Женщина нарочно отвернулась, но время от времени посматривала на Эмилиана через плечо взглядом соблазнительницы. Улыбнувшись, он шагнул к танцующим, омываемый звуками гитар, скрипки и бубна, а также ритмом самой земли. Ноги его стали двигаться сами по себе: вправо-влево, вправо-влево, и он поднял лицо к небу и, протянув руки к звездам, стал прищелкивать пальцами. Бедро его ходило ходуном, и Эмилиан каждой клеточкой тела ощущал присутствие танцующей рядом с ним цыганки, но не нуждался ни в чем, кроме музыки и объятий ночи.

Луна улыбалась ему с небосвода, ярко сияли звезды. Деревья уподобились молчаливым стражникам, вспыхивало пламя костра. Это была ночь празднеств и любви.

Эмилиан в упор посмотрел на женщину.

* * *

Гости наконец разъехались. Ариэлла стояла в большом зале, наблюдая через окно за тем, как удаляется экипаж братьев Монтгомери. Все члены ее семьи уже разошлись по своим комнатам. Почувствовав, что кто-то дотронулся до ее плеча, девушка вздрогнула.

Клифф улыбался ей:

– Я вижу, ты благополучно пережила ужин.

– Мне так и не удалось скрыть отсутствие интереса, да?

Отец рассмеялся:

– Мысли твои витали где-то далеко, это было очевидно.

Глядя в его серые глаза, она взмолилась, чтобы он не догадался о человеке, занимающем ее мысли.

– Полагаю, все с энтузиазмом восприняли идею о бале Аманды.

– О да. Давненько в Роуз-Хилл не устраивали большого веселья. Ответь мне, Ариэлла, Монтгомери хоть немного тебе понравился?

Она тут же напряглась, ожидая подвоха.

– Я полагаю, идея свести нас принадлежит Диане.

– Так и есть. Но она поведала об этом намерении матери, которая, в свою очередь, рассказала мне. Этот молодой человек тебе совсем не интересен, – констатировал Клифф.

– Прощу прощения, но нет.

Он вздохнул:

– Ариэлла, когда ты была малышкой, я беспокоился о твоём будущем. Я решил тогда, что сосватаю тебя за достойного джентльмена, когда ты станешь совершеннолетней.

Девушка ушам своим не верила.

– Я понятия об этом не имела!

Отец улыбнулся:

– То было много лет назад. Потом ты превратилась в независимую молодую женщину, которой я очень горжусь, и я отказался от своего намерения. Во многом ты напоминаешь мне меня самого до знакомства с Амандой.

Облегчение девушки не знало границ.

– Спасибо тебе. Но, папа, ты же был капитаном капера, а не синим чулком.

– Я очень ценил свою свободу, милая, так же как и ты. Однако я верю, что однажды ты придешь ко мне с сияющими, точно звезды, глазами и сообщишь, что безумно влюблена и намерена выйти замуж.

Ариэлла улыбнулась:

– Известно ли тебе, что у тебя гораздо более романтическая натура, чем у меня?

Клифф рассмеялся:

– В самом деле?

– Боюсь, я не похожа на тебя, отец. Я испытываю страсть лишь к знаниям. Сегодня я уже пыталась объяснить Диане, что статус незамужней женщины ничуть меня не тяготит. В отличие от своих сверстниц я не мечтаю ни о мужчинах, ни о свиданиях при луне. – Произнеся эти слова, Ариэлла поспешно отвернулась, потому что с тех пор, как повстречала сероглазого цыгана, эти мысли не шли у нее из головы.

– Но это потому лишь, что ты еще не встретила человека, который покажется тебе совершенно необыкновенным.

Она поспешно заговорила, боясь, как бы отец не почувствовал дрожь в ее голосе.

– Мужчины, с которыми я знакома, все как один историки или ученые. Джентльменов среди них почти нет.

Клифф снова засмеялся:

– Сообщи ты мне даже, что хочешь стать женой какого-нибудь адвоката с радикальными взглядами и без гроша за душой, я одобрю твой выбор – если этот человек будет страстно влюблен в тебя.

Девушка промолчала. Весь вечер мысли об Эмилиане неотступно преследовали ее. Было в этом мужчине что-то вызывающее и одновременно соблазнительное, но что именно, она не могла уразуметь.

– Возможно, тебе потребуется некоторое время, чтобы понять, что сердце твое пленено. У меня нет сомнений, что такой день настанет. Ты слишком красивая и интересная девушка, чтобы избегать любви. Когда ты попросишь моего благословения, я с радостью дам его тебе вне зависимости от того, кто станет твоим избранником.

Девушка улыбнулась:

– Надеюсь, ты не намерен торопиться, подобно Диане. Я не могу остепениться, папа, и традиционный брак мне неинтересен. Моя сестра выйдет замуж прежде меня.

– Я не позволю тебе согласиться на меньшее, чем ты заслуживаешь. – Клифф чмокнул дочь в щеку. – Я никогда не стану торопить тебя. А теперь, боюсь, мне придется оставить тебя любоваться звездами в одиночестве. Доброй ночи.

Ариэлла наблюдала за тем, как поспешно ее отец поднимается по лестнице, ведущей на второй этаж. В теле ее росло непонятное напряжение. Серые глаза Эмилиана, казалось, навсегда завладели ее мыслями. За всю свою двадцатичетырехлетнюю жизнь она никогда прежде не была столь заинтригована мужчиной. Ариэлла не знала, что именно означает это странное притяжение, но воспоминание о кратком знакомстве с Эмилианом преследовало ее весь вечер.

Мы цыгане.

Стоя в одиночестве в темном зале погрузившегося в сон дома, девушка снова и снова возвращалась мыслями к этому мужчине. Он горд и недружелюбен, но она никак не могла понять, почему он держится столь враждебно или почему невзлюбил их с отцом с первой минуты знакомства. Как бы то ни было, он считал ее привлекательной. Она была слишком женщиной, чтобы не понять взгляда, которым он ее награждал. С тех пор как ей минуло шестнадцать лет, джентльмены взирали на нее с восхищением, но ни один из них не затрагивал потаенных струн ее души – до настоящего момента.

Сердце Ариэллы неистово стучало в груди.

У девушки не было ни малейших причин находиться в зале, но она все же шагнула к окну и прижалась лицом к холодному стеклу. Ей показалось, что до нее доносятся звуки музыки.

Ариэлла сказала себе, что в этом нет ничего удивительного, ведь во всем мире цыгане славятся своими мелодичными напевами.

Восторг и любопытство завладели ее существом. Она поспешно пересекла зал и гостиную, направляясь к двустворчатой входной двери. Распахнув ее, она отчетливо услышала звуки незнакомой экзотичной музыки.

Девушка замерла на месте. Ей уже доводилось слышать похожие мелодии на Ближнем Востоке, но в той музыке не было столь ярко выраженной страсти и радости. Кажется, до ее слуха долетел чей-то смех?

Ариэлла осознала, что стоит на крыльце у перил и смотрит вниз, на подножие холма. Ночь, освещенная восковым ликом луны и миллионами сияющих звезд, была ясной, и девушка отчетливо различала отблески цыганских костров и призрачные тени, отбрасываемые их кибитками. У нее не оставалось сомнений, что цыгане затеяли какое-то празднество.

Ей захотелось спуститься по склону холма, но она уверяла себя, что не осмелится на такой неподобающий молодой девушке ее круга шаг. Это было чистым безрассудством – бродить в одиночестве по окрестностям после наступления темноты. Ариэлла не боялась скомпрометировать себя таким образом, но подобное поведение могло подвергнуть ее опасности.

Но ведь никто ничего не узнает. Если она не станет высовываться, цыгане ее не заметят, а члены ее семьи уже разошлись по своим комнатам. Если она проявит осторожность и станет избегать встреч, то все пройдет благополучно.

Ариэлла трепетала от предвкушения. Когда еще ей представится такая возможность? Она с детства не видела цыган и, возможно, никогда не пересечется с ними снова. Так как же можно проигнорировать их музыку и празднество после того, как в изобилии слышала истории о кочевом народе, ночи напролет предающемся танцам и любви?

К тому же у них такой харизматичный предводитель!

Дыхание Ариэллы стало прерывистым, пульс участился. Она отдавала себе отчет в том, что находит этого цыгана очень привлекательным и таинственным. Ее мучило любопытство. Эмилиан показался ей образованным человеком, умеющим грамотно говорить. Он, несо-

мненно, привык отдавать приказы и не считался со словами ее отца. Что же он за человек такой? И откуда пришел?

Утром цыгане снова тронутся в путь.

И он исчезнет вместе с ними.

Ариэлла приняла решение. Подобрав полы длинных юбок, она смело шагнула с террасы на лужайку. Мгновение спустя она уже бежала по тропинке, испытывая радостное возбуждение. Теперь ее ухо различало не только гитарные аккорды, но и скрипку, а также цимбалы в аккомпанементе с хлопками для создания нужного настроения.

Наконец она увидела перед собой кибитки, освещенные пламенем костра, горящего в центре площадки. Слуха девушки достигли смех и обрывки разговоров, а пройдя еще немного вперед, она заметила танцующих цыган. Украшения их мелодично позвякивали в такт движениям.

Она присела за кибиткой, пытаясь восстановить дыхание. Музыка из приятной превратилась в свирепую-требовательную, и Ариэлле стало казаться, что звуки бьются внутри ее, вызывая спазмы в желудке. Темп нарастал, и вместе с ним все быстрее билось ее сердце. Перед ее мысленным взором вновь возникли серые глаза цыгана.

Низко пригнувшись к земле, Ариэлла прошмыгнула под кибиткой, чтобы лучше видеть происходящее, и замерла в изумлении.

Эмилиан танцевал один в центре площадки, прищелкивая пальцами высоко поднятых к небу рук. Его белая рубашка была растегнута до талии, выставляя на всеобщее обозрение торс, освещаемый отблесками костра. Ткань его узких бриджей плотно охватывала бедра, придавая каждому движению невероятную соблазнительность и чувственность. Медленно, но верно он продвигался к тому месту, где стояла Ариэлла. Во рту у нее пересохло.

Глаза Эмилиана были закрыты, и длинные ресницы отбрасывали на скулы тени. На лице его застыло выражение полнейшего неприкрытого восторга. Лоб покрывали капельки пота. Когда он вращался, Ариэлле стал виден его пупок. Она непроизвольно потянула лиф платья, внезапно ощутив прилив жара. Откровенная рубашка Эмилиана и его узкие замшевые бриджи являли ее взору все подробности анатомического строения его тела.

Девушка с трудом сглотнула. Она не могла отвести от него взгляда, но ей было все равно. Она сознавала, что мысли, бродящие в ее голове, совершенно непристойны. Она думала о его мужественности, кричащей сексуальности и плохо сдерживаемой силе. Эмилиан танцевал в одиночку, и в этом было что-то чрезвычайно соблазнительное, словно позднее он выберет себе возлюбленную на ночь.

Ариэлла не понимала, что с ней происходит. Никогда прежде ее не посещали подобные мысли о мужчине. Ее совершенно не касалось, что этот цыган станет или не станет делать по окончании танца.

Внезапно Эмилиан открыл глаза. Теперь его окружали другие танцующие, включая и нескольких женщин довольно экзотической наружности, но его взгляд устремился поверх их голов напрямиком к Ариэлле.

Знал ли он о ее присутствии на празднике? Сердце девушки билось так неистово, что казалось, вот-вот выскочит из груди. Она понимала, что благоразумнее было бы пригнуться, скрыться, но она поступила наоборот – выпрямилась в полный рост, тщетно пытаясь заставить себя перестать пожирать глазами его прекрасное лицо и обнаженный торс. Одновременно с этим девушка осознала, что больше не прячется в тени кибитки, должно быть, она бессознательно сделала шаг вперед.

Взгляды их встретились, и глаза цыгана вспыхнули.

Ариэлла взирала на него как зачарованная, забыв, что нужно дышать. Эмилиан повернулся к ней, замедляя движение. Затем он протянул к ней руки, и девушка стала представлять,

что он обнимает ее, прижимаясь твердым железом своей мужественности к ее животу. Ей не нужно было быть опытной женщиной, чтобы понять, что этот танец он посвятил ей, ей одной.

Эмилиан будто околдовал ее, и она не могла думать ни о чем ином, кроме его объятий.

Дрожа всем телом, она не могла не гадать, слышно ли ему, как громко колотится ее сердце.

Теперь Эмилиан стоял неподвижно, лишь вздымалась и опускалась его грудная клетка. Он продолжал смотреть в глаза девушки.

«Мне нужно бежать отсюда, – подумала она. – Если я останусь, что-то непременно случится. Он коснется меня, привлечет меня к себе, к своему крепкому телу...» Девушка не сомневалась, что так и случится.

Вдруг кто-то схватил ее сзади.

– *Kon nos? Gadje romense? Nay!*¹¹

Ариэлла вскрикнула от неожиданности.

Перед ней стоял парнишка лет шестнадцати, и взгляд его светился откровенной враждебностью. Он потряс ее за плечо и снова гневно заговорил на своем языке. Разговоры и смех стихли, музыка также перестала играть.

– Я ничего не понимаю, – прошептала девушка.

Парнишка потащил ее вперед. Ариэлла споткнулась и остановилась. Их обступили танцоры. Эмилиан бросился вперед, глаза его метали молнии.

– *Dosta!*¹² – приказал он.

Ариэлле тут же отпустили. Она обхватила себя руками, чтобы унять дрожь. Ее спаситель был столь же зол, как и молодой цыган, схвативший ее. Она осмотрелась. Со всех сторон на нее взирали враждебные лица. Никто не двинулся с места, продолжая сохранять прежние напряженные позы. Девушке хотелось провалиться сквозь землю.

Эмилиан заговорил снова, гневно и непреклонно.

Молодой цыган посмотрел на нее.

– Прощу прощения, – сказал он с сильным акцентом, после чего развернулся и пошел прочь.

Ариэлла была поражена. Она посмотрела на Эмилиана, и он вернул ее взгляд. Тем временем похожий на медведя мужчина, которого они с отцом уже видели вечером, захопал в ладоши и принялся что-то говорить толпе. Кто-то снова заиграл на гитаре. Возобновились разговоры, но теперь они велись вполголоса или совсем шепотом. Постепенно все разошлись, оставив Ариэлле и Эмилиана наедине.

Девушка нервно облизала губы, испытывая сильную жажду. Что еще хуже, взгляд ее снова приклеился к его обнаженному потному торсу. Она ничего не могла с собой поделать и украдкой посмотрела на крепкие мускулы его живота, не осмеливаясь глядеть ниже, потому что точно знала, что за зрелище ее там ждет.

– Что... – Она снова облизала губы, чувствуя, что ей нечем дышать. – Я не шпионила.

Он прищурился.

– Клянусь, – продолжала девушка, стараясь дышать как можно глубже. Ее начала бить дрожь. – Я просто услышала музыку и не смогла сдержаться.

Взгляд Эмилиана по-прежнему был полон загадок.

– Тебе было весело? – спросил он без церемоний. – Наше примитивное торжество позабавило тебя?

Она сделала глубокий вдох.

– Музыка... танцы... они великолепны.

¹¹ Кто здесь? Цыганка или нет? Нет! (*цыганск.*)

¹² Хватит! (*цыганск.*)

Он издал недоверчивый возглас и посмотрел на лиф ее платья.

– Не поздновато ли, мисс де Уоренн, для прогулки на свежем воздухе?

Он стоял настолько близко, что Ариэлла ощущала жар его тела и его мужской запах. Она могла бы с легкостью дотронуться до него, если бы захотела. Беспокойство ее росло.

– Да, – ответила она, – мне пора идти. Прощу прощения за вторжение.

Она хотела было уйти, но Эмилиан сжал ее запястье, побуждая оставаться на месте.

– Но ты моя гостья.

Он прижал ее обнаженную до плеча руку к своей горячей влажной груди, и Ариэлла почувствовала головокружение и испугалась, что может вот-вот потерять сознание. Внутреннее напряжение ее нарастало.

– Именно это ты сказал своим людям?

– Мы не любим *gadjos* в своей среде. – Внезапно он улыбнулся ей. – Но ты стала исключением из правила.

Ариэлла не могла не думать о том, осознает ли стоящий перед ней мужчина, что он одет неподобающим образом? Он ведь почти обнажен! И разве не понимает он, что не пристало столь страстно прижимать к себе ее руку?

Чувствует ли он, что дрожь, ею владеющая, есть следствие не только страха?

– Ты в самом деле хочешь уйти? – прошептал он ласкающим слух голосом.

Она посмотрела в его потеплевшие глаза. Ей совсем не хотелось уходить, и им обоим это было отлично известно.

– Вечер только начался.

– Я не знаю... я пришла сюда из любопытства. – Произнеся эти слова, Ариэлла смущенно замолчала.

– Большинство высокородных леди не отважились бы на подобное приключение посреди ночи, – резонно заметил Эмилиан, отпуская руку девушки.

Теперь Ариэлла вполне могла бы отойти от него на безопасное расстояние, но не сделала этого. Вместо этого она посмотрела на его мускулистую грудь, к которой только что прижималась самым интимным образом. Она коснулась своей щеки и поняла, что кожа ее пылает огнем. Ее собственное тело тоже сильно вспотело.

Эмилиан снова улыбнулся ей, склоняясь ближе.

– А вот непристойная леди вполне может отправиться на поиски приключений в столь поздний час. Могу ли я удовлетворить твое *любопытство*?

– Ничего подобного я не имела в виду.

– Ну конечно же имела. Ты хочешь сравнить. – Он улыбнулся ей довольно холодной улыбкой и взял ее за руку.

Эмилиан подвел девушку к маленькому столику, стоящему у одной из кибиток, и, налив два стакана вина из тяжелого кувшина, один протянул ей. Прежде чем она смогла отказать, он принялся с жадностью пить, как пил бы обычную воду. Взор его был прикован к лифу ее шелкового платья.

Ариэлла почувствовала, как напряглись ее соски. Он смотрел на нее так откровенно, будто раздевал взглядом, проникая за нательную сорочку и корсет.

– Я не имела в виду, что пришла сюда из любопытства.

– А зачем же еще? Пей вино. Оно поможет тебе полнее насладиться таинством ночи.

– Я уже пила вино за ужином.

Он широко улыбнулся, показывая белоснежные зубы.

– Ты так нервничаешь, будто маленькая школьница или дебютантка на балу. Я не укушу тебя, мисс де Уоренн. Также я не мошенник и не вор – и не соблазняю тех леди, которые этого не хотят. Ты же *мисс де Уоренн*, не так ли? – Он посмотрел на ее левую руку, проверяя, нет ли там кольца.

Ариэлла пришла в себя.

– Да, я мисс де Уоренн. И я не верю в стереотипы. Разумеется, ты не мошенник и не вор – и не соблазняешь тех леди, которые этого не хотят. – Произнеся эти слова, она покраснела. Эмилиан явно умеет придать каждому своему слову налет непристойности.

Он удивленно поднял брови:

– Значит, ты единственная *gadji*, лишённая предрассудков? Как забавно.

– Слепая приверженность чему-либо неправильна, а я, как уже сказала, не верю в стереотипы.

Одарив ее долгим взглядом, он опустил ресницы и отвернулся.

Ариэлла взяла стакан и сделала глоток. Означает ли этот взгляд именно то, что она думает? Она снова пригубила вино. Она наблюдала подобный взгляд у своего отца, дядей и даже брата, когда они смотрели на женщин. Его невозможно было истолковать иначе. И что ей делать?

Ей следует остаться и позволить ему поцеловать себя.

Недоверчиво, словно всякую секунду ожидая пробудиться ото сна, девушка отхлебнула еще вина. Она считала себя просвещенным человеком, не переживающим о том, что прилично, а что нет. Прежде она никогда не мечтала о поцелуе – а сейчас сгорала от желания узнать, что же это такое.

Словно прочтя ее мысли, Эмилиан промурлыкал:

– Раз ты явилась сюда не любопытства ради, позволь мне проявить его. – С этими словами он положил руку ей на талию.

Девушка напряглась, но не от страха. Тело ее возликовало.

– Что ты имеешь в виду?

– Я имею в виду, что хотел бы узнать, с какой целью красивая незамужняя и *приличная* леди твоего возраста приходит в мой табор посреди ночи.

– Я испытываю страсть к знаниям, – прошептала она. – Мне хочется узнать больше о цыганах.

– О цыганах – или обо мне?

Она замерла.

– Перестань притворяться, – продолжал Эмилиан, проводя рукой вверх по ее телу. Его прикосновение шокировало девушку. – Ты пришла сюда вовсе не из-за музыки и не из интереса к цыганам. Ты пришла из-за меня. Именно я возбуждаю твое любопытство.

Ариэлла не могла вымолвить ни слова. Он был прав.

Привлекая девушку к себе, он одарил ее кривоватой усмешкой.

– Ты не первая английская женщина, возжелавшая цыганского любовника.

Она стала было протестовать, но он перебил ее словами:

– Зачем еще, *gadji*, явилась ты ко мне в столь неурочный час?

На это девушке нечего было ответить.

– Я не знаю, – запинаясь, призналась она. – Я захотела прийти... Меня влекло сюда...

– Хорошо. Пусть тебя влечет ко мне. Хочу, чтобы ты возжелала меня. – Он одарил ее томным взглядом. – Итак, мы открылись друг другу в нашей страсти. Подожди здесь.

Пораженная тем, что происходит, Ариэлла молча воззрилась на его удаляющуюся спину. Эмилиан растворился в толпе. Она заметила, что он на мгновение притормозил рядом со скрипачом, пожилым седовласым человеком. В этот момент Ариэлла осознала, что она далеко не единственная женщина, взирающая на Эмилиана с вождением. Молоденькие красивые цыганки бросали на него очень откровенные взгляды.

Но вскоре он вернулся к Ариэлле и, улыбнувшись, протянул ей руку:

– Потанцуй со мной.

Танцы никогда не привлекали девушку, потому что она была довольно неуклюжей и не умела двигаться плавно. Не ожидает же он, что она станет кружиться вихрем, подобно другим цыганским женщинам? Она же выставит себя на посмешище.

– Я не умею танцевать.

– Все женщины умеют танцевать, – очень, очень нежно прошептал он. Внезапно зазвучали начальные аккорды вальса. – Эта музыка лишь для нас двоих.

Ариэлла удивилась, но, прежде чем она сумела завершить внутренний спор с самой собой, Эмилиан взял ее за руку и привлек к себе. Девушка обнаружила, что стоит с ним бедром к бедру. Одной рукой он обнимал ее за плечи, другой – за талию. Он раскачивался из стороны в сторону, побуждая и ее делать то же самое. Никогда прежде она не ощущала рядом с собой такой мужской силы и скрытого обещания.

Тела их почти слились воедино. Щекой Ариэлла прижималась к его обнаженной груди. Она дрожала. Все мысли ее были лишь о его легком дыхании у себя над ухом да о его восставшем мужском естестве, прижимающемся к ее ноге. Они не танцевали вальс, а просто покачивались из стороны в сторону в такт музыке, причем ее грудь терлась о его торс, а ее бедра – о его бедра. Они исполняли прелюдию страсти.

– Эта ночь создана для любви, – прошептал он ей на ухо.

Девушке не хотелось отрывать щеку от его влажной кожи, но все же она это сделала, чтобы посмотреть ему в глаза. Он плавно увлек ее под деревья, где темнота была особенно плотной и непроницаемой.

– Чувствуешь ли ты, как музыка заполняет все твоё тело, все твоё существо? – прошептал он. – Как мелодия смешивается с твоей кровью? – Взгляд его был пронзительным. – В твоих венах бурлит желание, страсть. – Губы его изогнулись в улыбке. – Хочешь ли ты поцеловать цыгана?

Они больше не двигались, а просто стояли обнявшись, и Ариэлла слышала оглушительный стук собственного сердца – или то было его сердцебиение? Она кивнула, понимая, что готова умереть за один-единственный поцелуй.

– Я тоже так думаю. – Он поймал ее лицо в свои ладони. – Но прежде я должен предупредить тебя, что я всегда с энтузиазмом отдаюсь тому, что делаю.

– Эмилиан, – прошептала Ариэлла.

Глаза его блестели. Когда губы их соприкоснулись, девушка замерла, удивляясь тому, какими крепким, свирепым и требовательным оказался его рот. Давление становилось сильнее, болезненнее, и она разомкнула губы. В этот момент, к ее удивлению, язык Эмилиана проник глубоко ей в рот. Она заволновалась и попыталась оттолкнуть его за плечи. Не такого поцелуя она ждала – и не была уверена, что это вообще можно назвать поцелуем, скорее яростью в действии.

Он замер.

Ариэлла задрожала от осознания того, что целиком находится в его власти. Ее сила была ничем по сравнению с его.

Эмилиан чуть отстранился, и девушка снова попыталась высвободиться. *Какую ужасную ошибку она совершила.* Но он не отпускал ее, продолжая прижимать к своему крепкому трепещущему телу, и руки его превратились в тиски, из которых невозможно было вырваться.

– Не уходи.

Ариэлле никак не удавалось унять дрожь. Тревога ее росла. Даже стоя неподвижно, она ощущала пульсацию его тела, заставляющую частить ее пульс. Девушка напоминала себе, что Эмилиан не причинил ей боли, но в определенный момент все же почувствовала взрыв грубой мужской силы, к которому оказалась совершенно неподготовленной.

– Я не сделаю тебе больно, – мягко произнес он. – Я хочу любить тебя. Позволь мне это. – По телу его пошла дрожь.

Глаза Эмилиана больше не были холодными или насмешливыми и не сверкали от гнева. Они всматривались в ее лицо, ожидая позволения.

Ариэлла ощутила зов собственного тела. Грудь ее налилась желанием, и она отчетливо уловила возбуждение Эмилиана. Она чуть пошевелилась, снедаемая пламенем у себя между ног. С губ Эмилиана сорвался стон.

Не успела она решить, стоит ли поощрять какие-либо действия с его стороны, как он обхватил ее лицо большими ладонями и медленно склонился к ее рту.

Он легко, словно перышком, коснулся губами ее губ. Сердце ее, казалось, вот-вот разорвется от переполнявших его эмоций. Эмилиан снова и снова дотрагивался до ее губ, и девушка закрыла глаза, растворяясь в охватившем ее наслаждении и жаре нового чувственного опыта. Рот его дразнил ее до тех пор, пока ее губы снова не приоткрылись, приглашая его.

У него вырвался грубый смешок, и язык его скользнул в манящую сладость ее рта. Ариэлла дотронулась до его языка своим, но он тут же искусно уклонился, одаривая девушку долгим глубоким поцелуем, который, казалось, длился целую вечность.

Ариэлла со стоном извивалась в его руках, снедаемая внутренним жаром, но он не отпускал ее, продолжая поединок их языков. Отринув стыд, она прижалась к его телу, к его крепкому мужскому естеству. Рассмеявшись, он крепко сжал ее ягодицы через ткань платья и ворох нижних юбок и поднял ее вверх, по-прежнему прижимая к себе.

Она снова застонала, цепляясь за него, не прерывая поцелуя. Каким-то непостижимым образом он обнял ее именно так, как ей больше всего хотелось, и Ариэлла чувствовала, что желание сводит ее с ума. Она неистово задвигалась.

Поцелуй воспламенял ее. Краешком угасающего сознания она отметила, что рука его заскользила по ее ноге, затем по внутренней стороне бедра, минуя нижние юбки и поднимаясь все выше и выше. Дикое наслаждение овладело ее существом. Она понимала, что ее ожидает нечто гораздо большее, чем просто поцелуй, но ей было все равно.

Не колеблясь, его рука проникла в ее панталоны и коснулась голой влажной кожи. Ариэлла тихонько застонала, зарываясь лицом в его крепкую, покрытую капельками пота грудь и лишая себя способности видеть. Она не имела иных желаний, кроме как продолжать испытывать это почти невыносимое трение. Она заплакала.

Эмилиан заговорил с девушкой на его родном языке и полностью просунул ладонь в ее панталоны, лаская ее лоно. Ариэлла почувствовала головокружение.

– Иди ко мне, – произнес он по-английски хриплым, горловым голосом.

Деревья стали вращаться у нее перед глазами, и она впиалась зубами ему в кожу, ощущая на губах вкус его пота и крови.

Голова ее все еще кружилась, и Ариэлла поняла, что он уложил ее на землю во влажную траву. Настойчивое напряжение, владевшее ее телом, ужасное и восхитительное одновременно, постепенно затихало и наконец полностью исчезло. Но дышала она все еще с трудом. Ариэлла почувствовала, как он касается пальцами обнаженной кожи ее спины. Она пыталась осмыслить наслаждение и страсть, только что испытанные ею. Теперь она понимала, почему люди столь отчаянно жаждут любви.

Он пробежал пальцами вдоль ее позвоночника. Ариэлла заморгала и открыла глаза. Эмилиан стоял перед ней на коленях. Лицо его было затуманено страстью. Он пытался снять с девушки платье. Она схватила его за запястье.

Он смотрел на нее затуманенным взором, в котором отражалось удивление.

– Подожди, – с трудом выдохнула она.

Глаза его сощурились с подозрением.

– Что... что ты делаешь? – Нижние юбки ее обернулись вокруг талии, а сама она была распростерта на земле, словно тряпичная кукла. Девушка села прямо и, внезапно испытав ост-

рый прилив стыдливой скромности, одернула подол. Лиф ее платья был непристойно опущен, и она поправила его и посмотрела на Эмилиана.

Он сидел на корточках, и на лице его отражалось опасное раздражение.

– Теперь ты хочешь прекратить? – угрожающе спокойным голосом произнес он.

– Я... я не за этим пришла.

– Ну разумеется, за этим. – Глаза его метали молнии. – Ты жаждала страсти и хотела сравнить меня со своими английскими любовниками. Моя страсть не нашла удовлетворения, – мрачно добавил он.

Верхние пуговицы его бриджей были расстегнуты, словно тому, что за ними скрывалось, вдруг стало слишком тесно в плену ткани. Ариэлла хотела что-то сказать, но не могла.

– Это наслаждение не идет ни в какое сравнение с тем, которое мы оба испытаем, когда я войду в твоё лоно. – Вытянув руку, Эмилиан осторожно прикоснулся к ее лицу. – Позволь мне снова заставить тебя кричать в экстазе. Позволь мне испытать восторг вместе с тобой.

Девушка замерла.

Он улыбнулся.

– Нам обоим отлично известно, зачем ты пришла ко мне. – С этими словами он крепко сжал в кулаке ткань лифа ее платья.

Ариэлла отпрянула. Было так просто покориться этому мужчине, дать ему то, что он хочет. Его слова и взгляды гипнотизировали ее. Но поцелуй – это одно, а физическая близость – совсем другое. Она и хотела зайти дальше, и одновременно намеревалась держать его на расстоянии до тех пор, пока не поймет, что именно происходит.

– Ты меня неверно понял, – прошептала она.

Глаза Эмилиана широко распахнулись.

– Я явилась сюда вовсе не затем, чтобы сравнить тебя с другими моими любовниками. – Девушка принялась снова яростно поправлять лиф платья. – Нет у меня никаких других любовников.

Он продолжал смотреть на нее с выражением крайнего недоверия на лице, которое стороннему наблюдателю могло бы показаться комичным.

– Я даже не замужем, – чуть слышно произнесла Ариэлла. Как ему еще объяснить? – Ни у одной девушки моего возраста нет любовника. Сначала должен появиться муж.

Воцарилась ужасающая тишина.

Девушка занервничала. Как же так получилось, что Эмилиан счел ее женщиной, жаждущей недозволенных развлечений?

– Не хочешь ли сказать, что ты девственница? – недоверчиво произнес он. – Девственницы не ходят по ночам на свидания с незнакомыми мужчинами.

Она помедлила с ответом. Своим видом Эмилиан напоминал разъяренного льва, разбуженного и силой извлеченного из его логова.

– Я не знаю, зачем пришла... увидеть тебя... Я мечтала всего лишь о поцелуе.

Глава 4

Его шаги были такими широкими и гневными, что Ариэлла едва поспевала за ним бегом. Споткнувшись, она на мгновение остановилась.

– Подожди!

Эмилиан ничего не ответил и не стал замедлять шаг.

На лице его застыла непроницаемая маска разочарования и гнева. Он направлялся к холму и расположенному на нем спящему дому, явно желая проследить, чтобы девушка добралась благополучно.

– Мне очень жаль! – вскричала она, поспешая следом за ним. Конечно же он ожидал вступить с ней в любовную связь – ведь она вела себя столь смелым образом. Но отчего же сейчас он так сильно сердится на нее? – Я не хотела ввести тебя в заблуждение.

Наконец Эмилиан все же посмотрел на Ариэлла. Он остановился так внезапно, что она, двигаясь по инерции, проскочила мимо него. Он схватил ее за руку и привлек к себе.

– Если в твои намерения не входит ввести мужчину в заблуждение, то оставайся в своем милом красивом доме и в своей милой красивой кровати, где все девственницы должны мирно почивать в такой час!

Ариэлла задрожала от волнения.

– Я пришла, влекомая любопытством. Я услышала чарующую музыку, зовущую за собой. – Девушка колебалась, потому что открыла ему не всю правду. В действительности ее влекло к *этому человеку*, неподвижно стоящему сейчас перед нею. – Я всего лишь хотела понаблюдать издали и не собиралась вмешиваться. Не думала, что меня заметят. Я не собиралась... допустить ничего из того, что... произошло.

Губы его болезненно скривились.

– О, неужели?

Она напряглась:

– Конечно же нет!

– То, как ты пялилась на меня сегодня вечером, позволило мне сделать единственно верное заключение. – Он говорил так тихо, что девушка едва различала слова.

– Ты заблуждаешься, – слабо запротестовала она, но в действительности он был прав, и им обоим это было известно.

Выражение лица Эмилиана стало очень жестким.

Покраснев, Ариэлла обхватила себя руками.

– Ну хорошо! Признаю, я смотрела на тебя, но ты, несомненно, привык к восхищенным взглядам дам. Не собираюсь вести себя жеманно – никогда в жизни этого не делала, – смущенно произнесла она. Ариэлла никогда не призналась бы, что, с тех пор как увидела его танцующим и даже еще раньше, во время стычки с ее отцом, она не могла думать ни о чем ином, кроме его крепкого мужского тела.

– А вот этому, – грубо произнес Эмилиан, – я никогда не поверю. Ты точно знаешь, как пользоваться своими голубыми глазами, чтобы разжечь в мужчине пламя страсти, – и делаешь это намеренно. – Взгляд его гневно поблескивал. – Ты возбудила меня.

Девушка задохнулась от неожиданности. От таких откровенных слов пульс ее многократно участился. Более того, мысленно она снова оказалась в его объятиях, губы их слились в неистовом поцелуе, а тела вспыхнули огнем желания. Ариэлла не хотела уходить, чувствуя, что еще не время. В действительности незнакомая ей прежде и совершенно распутная часть ее натуры жаждала узнать, куда это приключение может завести их.

Эмилиан громко рассмеялся, словно ему удалось прочесть ее мысли и чувства.

– Тебе нужно исчезнуть до того, как примитивная часть меня возьмет верх над благородством. К тому же уже светает. Тебе нужно заботиться о сохранении своей репутации, потому что я определенно не собираюсь делать это за тебя.

Небо стало серым, но девушка продолжала стоять на месте не шевелясь. Они не могли вот так расстаться, особенно принимая во внимание, что скоро табор уйдет из Роуз-Хилл.

– Отчего ты так зол? Прошу прощения, я уже дважды спрашивала об этом. Ты примешь мои извинения?

– С какой стати мне это делать? Терпеть не могу, когда со мной играют, мисс де Уоренн. Сердце ее тяжело билось в груди. Итак, Эмилиан не собирается принимать ее извинения, даже несмотря на то, что она объяснилась.

Он снова резко рассмеялся:

– Неужели я первый мужчина, отказавшийся плясать под твою дудку после того, как ты похлопала перед ним своими длинными ресницами?

– Я не заигрывала с тобой, – запротестовала она.

– Доброй ночи. – Он кивнул в сторону дома, явно желая поскорее избавиться от ее общества.

Ариэлла сделала глубокий вдох, намереваясь предпринять еще одну попытку.

– Начало нашего знакомства оказалось просто ужасным. – Она улыбнулась ему. – Очевидно, третье извинение тебя не смягчит, поэтому не стану даже пытаться. Но почему бы нам не начать все заново? Мы едва знаем друг друга. Мне бы хотелось продолжить общение с тобой, если это возможно.

Глаза Эмилиана сначала широко распахнулись от удивления, затем снова сузились от подозрения.

– В самом деле? Как странно. Благопристойные леди – благопристойные девственницы – не водят знакомство с цыганами. Говоря откровенно, те дамы, что действительно ищут моего общества, поступают так ради одной-единственной цели, но ты недвусмысленно дала понять, что тебя это не интересует.

– Никогда этому не поверю, – прошептала девушка, пораженная его словами. Конечно же он преувеличивает!

Молодой человек пожал плечами:

– Мне дела нет до того, чему ты веришь, а чему нет. Теперь, когда наша неудачная связь окончена, ты совсем перестала быть мне интересной, мисс де Уоренн.

Его слова больно ранили Ариэлла. Она не могла поверить, что он действительно их произнес после того, что между ними произошло.

– Мне кажется, ты сознательно *решил* меня ненавидеть, хотя и не могу понять почему. Думаю, ты выбрал такую линию поведения еще сегодня днем, едва увидев меня, и это несмотря на то, что я пыталась помочь тебе убедить отца, что вы можете остаться на ночь в Роуз-Хилл. А вот совсем недавно я отнюдь не была тебе неприятна.

Долгое время Эмилиан молча взирал на нее. Каждый мускул на его лице напрягся, когда он произнес:

– Слова твои столь наивны, что я мог бы действительно им поверить.

– Ну, меня едва ли можно назвать наивной, – отозвалась девушка.

– Я этого не просил, – грубо продолжал он. – Я не хотел, чтобы в моей жизни вдруг появилась красивая принцесса из сказки, искушающая меня так, что отказаться просто невозможно. Но ты высокородная леди и наследница состояния. Тебе суждено однажды стать женой какого-нибудь прекрасного английского принца, который и сорвет цветок твоей девственности. Иди домой, мисс де Уоренн, возвращаясь в тот мир, к которому ты принадлежишь. – Он развернулся, намереваясь удалиться.

Разозленная Ариэлла что было мочи сжала его руку. Силы ее явно не хватило бы, чтобы остановить его, но, по крайней мере, он посмотрел на нее. Взгляд его был холоден и взбудоражен, как снежная буря.

– Раз я отказываюсь высказывать свое суждение о тебе, почему же ты поступаешь так по отношению ко мне? Ты совсем меня не знаешь. Я абсолютно не похожа на других женщин моего возраста и положения, отчаянно ищущих подходящего мужа и дом. Может быть, тебе показалось, что я подобна прочим леди, жаждущим твоего внимания, но в действительности это не так. Я искала тебя вовсе не ради любовной интрижки!

– Нет, но все же ты признаешь, что искала меня. – Эмилиан скрестил руки на груди. – Давай-ка перейдем к сути дела, мисс де Уоренн. Что тебе от меня нужно?

Ариэлла вздохнула. Хотя в памяти еще свежи были его жаркие поцелуи и чувственные прикосновения, она ответила, ни секунды не колеблясь:

– Я хочу, чтобы мы стали друзьями.

Он рассмеялся:

– Это невозможно.

– Но почему? Почему это невозможно? Я знаю, что завтра ты уезжаешь, но мы могли бы обмениваться письмами. Мы могли бы даже несколько раз встретиться до того, как ты покинешь Дербишир.

Он задохнулся от неожиданности.

– Обмениваться письмами? Встречаться? – Он воззрился на девушку так, будто она сошла с ума.

– Я заинтересована в том, чтобы узнать тебя лучше, а письма предоставят отличную возможность сделать это. Что же до встреч, то я не понимаю, почему мое предложение столь шокировало тебя? Конечно же тебе понравится разговаривать со мной.

– Ты хочешь встречаться и разговаривать?

– Именно так и поступают друзья. – Ариэлла улыбнулась ему, находя свой план безукоризненным.

– Мы с тобой не друзья, – резко ответил Эмилиан. – У меня вообще нет друзей – и они мне не нужны!

– У всех есть друзья, – недоверчиво протянула она.

– Ты жаждешь вовсе не дружбы, и нам обоим это известно. – Он указал на нее пальцем. Рука его дрожала. – Ты наследница семьи де Уоренн. У тебя в друзьях ходят исключительно изысканные аристократы.

– В городе у меня множество довольно эксцентричных приятелей!

– Когда я потребовал, чтобы ты перешла к сути дела, мне просто было любопытно услышать твой ответ – и посмотреть, к какими ухищрениям ты прибегнешь. Мне отлично известно, зачем ты явилась в табор посреди ночи. Ты мечтала предаться *страсти* со мной, мисс де Уоренн, а дружбы у тебя и в мыслях не было. Я заметил твой интерес ко мне, и ты пожелала оказаться в моих объятиях, хотя и не в моей постели. Говоришь, хочешь *обмениваться письмами*? И *разговаривать*? Сильно в этом сомневаюсь. В действительности я не думаю, что ты так уж отличаешься от прочих моих любовниц-*gadji's*. Разница лишь в том, что ты жаждешь любви без последствий. – Глаза его метали молнии. – И удовольствия, которое я недавно дал тебе.

Ариэлла молча взирала на него, обескураженная, но вовсе не его прямолинейностью. Частично Эмилиан был прав – после того, что между ними произошло, как ей было не мечтать оказаться в его руках? Но почему же он не верил, что она заинтересована в дружбе? Ей очень хотелось узнать его взгляды на жизнь!

– Я давно являюсь объектом сексуального желания дам высшего света, а теперь вот удостоился чести стать объектом сексуального *восхищения* одной девственной принцессы! – с отвращением в голосе произнес Эмилиан.

Ариэлла была не вполне уверена, что означает это заявление, и решила обдумать его позже.

– Мне не удастся забыть наших поцелуев, – задумчиво проговорила она. – Да и как это возможно? Представления не имела, что поцелуй может быть столь восхитительным. Но я и правда хочу стать твоим другом, Эмилиан. Я всегда говорю то, что думаю. У меня множество необычных друзей в городе. Если у тебя в самом деле нет ни одного друга – а я очень надеюсь, что ты говоришь неправду, – то я стану первым.

– Что, черт подери, ты имеешь в виду, говоря, что не знала, что поцелуй может быть восхитительным? – повысил голос Эмилиан. – Уж не хочешь ли ты сказать, что никогда прежде не целовалась?

– Тебя это беспокоит?

Эмилиан смотрел на нее широко раскрытыми глазами.

– Никто никогда тебя прежде не целовал?

– Нет, никто и никогда. Ты подарил мне мой первый поцелуй, и я не испытываю по этому поводу никаких сожалений. Ни единого! – покраснев, вскричала девушка.

– Зато у меня сожалений столько, что хватит на двоих! – прорычал Эмилиан.

– Ты же в действительности так не думаешь, – парировала она.

– Иди домой и жди своего прекрасного принца. И дружи со своими *необычными* друзьями.

Ариэлла ушам своим не верила. Он отверг ее предложение о дружбе!

– Но табор же уходит утром! Мы не можем вот так расстаться.

– Это еще почему?

Она облизала пересохшие губы. Сердце ее неистово колотилось в груди.

– Мы только что разделили страсть, Эмилиан.

– Всего лишь поцелуй, который ты скоро позабудешь.

Она отрицательно покачала головой:

– Нет. Мне никогда его не забыть. Пожалуйста, подумай о возможности переписки! – не унималась девушка.

– Просто иди *домой*, – грубо оборвал он.

Ариэлла вздрогнула, но не тронулась с места. Неужели это происходит в действительности?

Эмилиан развернулся и стал поспешно спускаться по склону холма, ни разу не оглянувшись.

Его влекло к подножию холма, как мушку в сети паука. Он воззрился на спящий дом.

Солнце взошло час назад, но лагерь еще не пробудился, потому что накануне ночью все праздновали допоздна. Эмилиан же не сумел сомкнуть глаз и даже не пытался этого сделать. Он продолжал смотреть на усадьбу де Уореннов. Он совсем не хотел испытывать страсть к Ариэлле де Уоренн, особенно теперь, когда он не вполне доверял самому себе. Уж слишком он был зол.

Резко развернувшись, он посмотрел на лагерь. Он искренне надеялся никогда снова не видеть этой девушки. Цыганка Марико вполне могла бы разделить его ложе этой ночью, так же как и множество высокородных дербиширских женушек. Эмилиан действительно имел в виду каждое сказанное Ариэлле слово. Они на самом деле попрощались. Он не собирался ни писать ей письма, ни тем более встречаться с ней лично. Он вовсе не просил, чтобы в его

жизни появилась женщина, подобная ей, тем более сейчас, когда он оплакивал кончину матери и гневался на весь белый свет.

Ариэлла была из тех леди, которая никогда не будет представлена ему – ни в настоящем, ни в будущем – из-за его нечистой крови. Она была красива, богата, хорошо воспитана и, несомненно, наделена множеством талантов. Несмотря на свою страстную натуру, она действительно каким-то непостижимым образом являлась невинной – а в том, что ее натура была *страстной*, он ни секунды не сомневался. Сам же Эмилиан был обречен на связи с толстыми стареющими и дряхлеющими или откровенно уродливыми женщинами, которых все прочие уже отвергли. Такая леди, как мисс де Уоренн, никогда не будет представлена ему, у которого в жилах течет цыганская кровь, сколь бы богат он ни был и какой бы титул ни носил. Однажды Ариэлле познакомят с настоящим англичанином голубых кровей, который с первого взгляда будет ею очарован. Любой благоразумный джентльмен сделает вывод, что из красивой и воспитанной мисс де Уоренн выйдет превосходная жена.

Ни один другой мужчина прежде ее не целовал.

В это было невозможно поверить.

Он впервые подарил ей это наслаждение. Эмилиан вспомнил ее вскрики. Даже сейчас царапины от ее зубов и ногтей на его коже саднили.

Впервые увидев Ариэлла, он захотел привлечь ее внимание, хотя и понимал, что она не замужем. Он не имел обыкновения преследовать незамужних девушек, но она была прекрасной англичанкой, стоящей гораздо выше его на социальной лестнице. Возможно, именно из-за ее отца Эмилиан намеренно стал выказывать к ней чувственный интерес. Когда девушка пришла к нему ночью, он ничуть этому не удивился. Она могла сколько угодно говорить, что явилась в лагерь, привлеченная чарующей музыкой, но ему было отлично известно, что истинной причиной ее прихода являлся он сам. Но он решил, что она опытная женщина, у которой уже были любовники.

Молодым незамужним девушкам место в гостиных своих особняков, где им следует проводить время, попивая чай, обсуждая последнюю лондонскую моду и ожидая визитеров и поклонников. Ариэлла заявила, что она не похожа на прочих. Было ясно, что она старалась держаться в рамках приличий, и Эмилиану стало интересно, сумеет ли она до первой брачной ночи вести себя схожим образом. Но мысль о том, что первый урок любви ей преподаст какой-то англичанин, внезапно разозлила его.

Он бы мог лишить ее девственности, так почему же он этого не сделал?

Потому что по своей природе он был больше англичанином, нежели цыганом, в нем сильно было джентльменское чувство долга. Англичане ценят в своих женах невинность, цыгане нет. Эмилиану никогда не приходилось иметь дело с девственницей, даже во время своего долгого и утомительного путешествия с табором по Шотландии восемь лет назад. Причина крылась не столько в том, что он предпочитал видеть на своем ложе опытных женщин, сколько в том, что англичанин, каковым он стал, сын Эдмунда и виконт Вудленда, не мог бы обесчестить и опозорить женщину.

Но в прошлую ночь Эмилиан вовсе не чувствовал себя англичанином.

Достигнув одной из крайних кибиток, он услышал детский плач. Возможно, это его новорожденный кузен. Голова Эмилиана болела столь сильно, что грозила в любую минуту расколоться на части. Тело его пульсировало от гнева и желания. Он не был уверен, что хочет и дальше оставаться англичанином. Единственное, в чем он был уверен наверняка, – это в том, что он намерен отомстить за Райзу, и, будучи совершенно откровенным с самим собой, он сожалел, что все же не воспользовался принцессой-*gadji*.

Мысли молодого человека снова и снова возвращались к ее голубым глазам, а не лицу и не телу. Ее взор взволновал его потому, что, глядя в ее бездонные глаза, он, казалось, был близок к осознанию какой-то важной новости о самом себе.

Эмилиан отмахнулся от причудливых видений. Ариэлла заявила, что хочет стать его *дру-гам*. При этой мысли он рассмеялся вслух.

У него нет друзей. У него есть братья – каждый цыган в *kumpa'nia*. У него есть семья – Стеван, его кузены, Джаэль. Даже Роберт член его семьи, как бы сильно они друг друга ни презирали. У него есть враги – практически каждого *gadjo* и каждую *gadji* с улицы можно отнести к этой категории. Но друзей у него нет. Он не сумел бы даже ответить, что такое друг и зачем он ему понадобился.

Поступил ли он с Ариэлкой несправедливо? Он спал со многими женщинами, но не подружился ни с одной из них.

Возможно, она отличается от других *gadjis*, с которыми он спал. Она уверяла, что не оценивает его по тем же критериям, что прочие *gadjos*. Но привела-то ее к нему именно страсть, как и всех прочих его любовниц. Будь она замужем, он уверен, непременно отдалась бы ему. В этом она была в точности как и все остальные. А спустя какое-то время он услышал бы, как за его спиной она отзывается о нем с презрением и высокомерием. В этом у него тоже не было ни малейших сомнений.

Гнев Эмилиана нарастал. Как же он ненавидит *gadjos* – всех их, включая и Ариэлку.

– Вид у тебя такой, словно хочешь порвать кого-нибудь на части.

Эмилиан сделал глубокий вдох, рассчитывая таким образом расслабить напрягшиеся мускулы, и повернулся лицом к Стевану:

– В самом деле?

– Еще до того, как я сообщил тебе о смерти Райзы, я замечал темные тучи на твоем челе. Не хочешь ли поведать мне о своих горестях? – спокойно поинтересовался цыган.

– Это беспокойство о Вудленде, – солгал Эмилиан. – В действительности подобная чепуха пристала *gadjos*, но не нам.

Стеван улыбнулся, не веря ни единому слову племянника.

– Но мне действительно нужно поговорить с тобой, – продолжал молодой человек. Грудь его разрывалась от боли. – Я хочу навестить могилу Райзы.

– Да, это правильно, – согласился его дядя. – Она похоронена в Трэббочберне, недалеко от того места, где ты родился. Когда ты отправишься?

У Эмилиана не было возможности ни погоревать, ни обдумать ситуацию. Как только он узнал о смерти матери, начались празднества в честь новорожденного сына Стевана. А потом явилась Ариэлла де Уоренн, отвлекшая его. Посетить могилу матери было его сыновним долгом. Теперь же, глядя на своего дядю, Эмилиан вспомнил о сестре, которая нуждалась в брате и защитнике. Райза хотела бы, чтобы он позаботился о Джаэли.

– Думаю, я с радостью присоединюсь к вам, когда вы отправитесь на север, – растягивая слова, произнес молодой человек.

Стеван удивился:

– Это в тебе говорит горе, не так ли?

– Может, и так.

Но идея показалась ему очень заманчивой. Когда в двенадцать лет он выбрал остаться с Эдмундом, он таким образом отверг цыган и их образ жизни. Слишком он был молод для принятия столь важного решения. И разве не следует ему попытаться понять цыганскую жизнь теперь, когда в нем бурлит гнев и жажда мести?

К тому же так у него будет отличная возможность лучше узнать собственную сестру, которая очень в нем нуждается.

– Ты знаешь, что в таборе тебе всегда рады. Но, Эмилиан, отчего бы тебе не взять с собой свой удобный экипаж *gadjo* и побольше слуг? Зачем тебе путешествовать, как цыган, прожив столько лет жизнью англичанина?

Эмилиан попытался объяснить, тщательно подбирая слова, чтобы выразить томление своего сердца, своей души:

– Я позабыл, что значит быть цыганом. Я чувствую, что должен Райзе гораздо больше, чем сумел ей дать, – и уж гораздо больше, чем просто поклониться ее могиле. Все изменилось, Стеван. Я очень зол на *gadjos*.

– Ты и должен злиться – ведь ты ее сын. Не думаю, что ты понимаешь, чего именно хочешь. Но ты говоришь лишь о краткой поездке с нами, не так ли?

Эмилиан на мгновение замялся.

– Я такой же цыган, как и англичанин.

– В самом деле? А я вижу перед собой настоящего англичанина – пусть и танцующего как цыган. – Стеван улыбнулся, но Эмилиан не сумел улыбнуться в ответ. – Моя сестра очень гордилась, каким ты стал человеком. Она хотела, чтобы ты жил как богач в хорошем доме и в окружении слуг. Будь она жива, ни за что не стала бы просить тебя оставить свой английский образ жизни ради цыганского.

– И что я такого особенного оставляю? – вскричал Эмилиан. – Я знаю, что мать желала мне большего, чем жизнь простого цыгана. Я очень хорошо помню, как со слезами на глазах она отпустила меня к отцу. Она горевала обо мне. Я предпочел остаться в Вудленде, когда был еще слишком юным и не понимал, что творю. Был ли мой выбор верным? Соседи презирают меня, Стеван, точно так же, как они презирают и тебя.

Стеван задумался.

– Кажется, я начинаю понимать. Ведь в твоих жилах течет наполовину цыганская кровь, и ничто этого не изменит. Но полагаю, кочевая жизнь тебе быстро наскучит. Слишком много изменений случилось за последние годы.

– Возможно, ты и прав, а возможно, и нет. Кто знает, быть может, через пару месяцев я махну рукой на *gadjos* и никогда не вернусь домой. – Эмилиан ощутил, как внутри у него снова закипает ярость и ему опять хочется бросить взгляд на большой особняк де Уореннов.

Стеван посмотрел на племянника, и тот покраснел, осознав, что только что назвал Вудленд домом.

– Нам обоим известно, что в день, когда тот *gadjo* забрал тебя у Райзы, была определена твоя *baxt*¹³.

Эмилиан напрягся:

– Я не верю в судьбу.

– Именно это и делает тебя столь похожим на *gadjos*, Эмилиан.

Молодой человек задумался о том, что прошлой ночью он поддался не только настойчивой, воскрешающей воспоминания цыганской музыке. Полностью поглощенный ритмом танца, он чувствовал себя так, словно последних восемнадцати лет и не было вовсе и он никогда не покидал табора.

– Вчера я был цыганом.

Стеван похлопал племянника по плечу:

– Да, верно. Когда ты будешь готов тронуться в путь?

– Мне требуется неделя на сборы, может, больше, – ответил Эмилиан, которого уже манила притягательная ширь дорог. Он не мог дождаться момента, когда караван покинет Дербишир, предчувствуя, что тогда он снова станет свободным. – Нужно нанять управляющего, которому я смогу доверить дела. Станете вы ждать столько времени? *Kumra'nia* может остановиться на моей земле.

– Мы будем ждать тебя столько, сколько потребуется, – с улыбкой заверил его Стеван. – Я очень рад, что ты едешь с нами.

¹³ Судьба, жребий (*цыганск.*).

Эмилиан вдруг почувствовал, что на этот раз сделал правильный выбор.

Странствуя с табором по бескрайним дорогам, он мог переоценить свою жизнь в качестве англичанина и поставить ее под вопрос. Он устал от бесконечной вереницы женщин-*gadjis*, которые пожирали его глазами, словно он был каким-то экзотическим представителем мужского рода. Они ожидали, что из-за своего цыганского происхождения он будет ненасытным в постели, и чувствовали себя крайне оскорбленными, если через час или два он терял интерес. Все эти женщины ожидали от него проявления невероятной силы и выносливости и не могли дождаться, когда же им доведется проверить свою догадку на практике. Он замечал также, что утром некоторые из его любовниц проверяли, в сохранности ли их драгоценности, словно он мог у них что-то украсть.

Каждый *gadjo*, с которым он вел дела, ожидал оказаться обманутым. Эмилиан никогда не мошенничал, но вот с новичками играл безжалостно, как кошка с мышью. Однако его многолетние партнеры по бизнесу знали, что он поистине честный человек.

Он никогда не был злобным, однако ожидал от других проявления предрассудков по отношению к себе – он вырос с этим. Эмилиан уже и не смог бы припомнить, когда слова «грязный цыган» еще задевали его и считались у него оскорблением – возможно, когда он был маленьким мальчиком или когда только переехал в Вудленд. Давным-давно сердце его превратилось в камень. Он отличался от прочих и, всегда зная это, принимал этот факт как должное. Он мог ужинать с англичанами и даже, в порядке очень большого исключения, танцевать на их балах, но все же он являлся изгоем. Презрение людей мало значило для него еще и потому, что он был богаче и обладал большим могуществом, чем большинство из них. Ему не нужен был никто, кроме него самого.

Теперь различия между ним и англичанами обострились до предела. Эмилиан осознал, что вся жизнь его была притворством, терпеть которое у него нет больше сил. Он больше не приемлет слепого людского фанатизма.

Их ненависть и презрение убили Райзу.

За это им нужно отомстить.

Молодой человек снова воззрился на дом де Уореннов. Женщины этого семейства были ни в чем не виноваты, но Ариэлла была одной из них, одной из *gadjos*. Наделенная красотой, богатством и большим наследством, она являлась венцом всего английского общества. Она послала ему сексуальное приглашение, пусть даже и неосознанно. Эмилиан вел себя достаточно по-джентльменски, чтобы отказаться от нее, но цыганская часть его натуры не могла не поддаться соблазну и не представить, как он станет покорять ее. Лишить девственности такую девушку, как Ариэлла де Уоренн, попользоваться ею и отбросить прочь за ненадобностью, в таком виде оставив для ее будущего мужа, могло бы считаться чем-то гораздо большим, чем просто *budjo*, – это было бы мстью.

Как это было бы просто...

Английская часть его натуры содрогнулась от ужаса.

Ариэлла сидела на подоконнике. Прямо перед ней раскинулись внизу обширные луга и цветущие сады, но она их не замечала. Внимание ее было приковано к цыганскому лагерю, который был ей отлично виден с ее наблюдательного пункта.

Лошади их свободно бродили по округе, мирно пощипывая траву. Разноцветные кибитки стояли на тех же самых местах, что и вчера вечером. Не похоже было, что цыгане готовятся к отъезду.

Девушка подтянула колени к груди. Ночью ей совсем не удалось сомкнуть глаз, да она и не пыталась. Она переоделась и принялась играть привычную роль, хотя в действительности вибрировала от напряжения. Ею владело беспокойство. Эмилиан был для нее полным незнакомцем, но прошлым вечером она танцевала в его объятиях, и он подарил ей мгновения страсти.

Ни один мужчина не привлекал ее прежде, но сейчас ее влекло к этому цыгану, как мотылька к пламени свечи. Она не могла не гадать, тянуло ли и его к ней тоже?

Эмилиан намеревался уйти вместе с цыганами – так, как будто между ними не произошло ничего особенного.

От осознания этого Ариэлле стало особенно больно. Даже если общество и считало ее странной, ее статус наследницы состояния де Уореннов давал ей пропуск куда бы она ни шла. Благородные джентльмены одновременно и желали ее, и страшились, а вот Эмилиан попросту отверг ее.

Как же ей убедить его передумать и стать ее другом? При этой мысли сердце ее забилося быстрее. Она пребывала на грани безумия, и не только из-за его поцелуя. Ариэлла не была уверена во многих вещах касательно Эмилиана, но одно она знала наверняка: она не могла просто взять и уйти от него, по крайней мере сейчас.

Также она не могла позволить ему исчезнуть из ее жизни столь же внезапно, как и появился в ней, вне зависимости от того, каковы были его намерения.

Да что с ней такое творится? Уж не влюбилась ли она с первого взгляда в цыгана? В ее роду было очень много мужчин и женщин, которые становились жертвами внезапного порыва чувства – по крайней мере, таково было семейное предание. Де Уоренны влюблялись пылко, один раз и на всю жизнь.

– Ариэлла! – послышался из-за двери голос Дианы. – Можно мне войти? Ты уже проснулась? Алекси приехал, вместе с тетушкой Лизи и Марджерри!

Не успела она ответить, как Диана ворвалась в комнату.

– Просыпайся, соня... – Она замерла, не договорив фразы. – Так ты уже встала! Ну конечно же! Ты всегда просыпаешься самой первой в доме. – Тут улыбка ее угасла, и она внимательно посмотрела на сестру.

Ариэлла поняла, что на лице ее написаны и напряжение, и радостное возбуждение. Она вымученно улыбнулась Диане, думая лишь о том, что ей придется тщательно скрывать свои чувства, если не хочет быть разоблаченной Алексеем.

Сводный брат был на два года старше ее. Его мать была русской графиней, которая вручила малыша отцу, едва тот появился на свет. Ни она сама, ни ее муж не были заинтересованы в том, чтобы оставить внебрачного ребенка в своей семье. В детстве Ариэлла и Алексей жили со своим отцом на Ямайке и, несмотря на то что у них разные матери, очень сдружились. Он являлся для нее лучшим другом, братом и защитником. Одного взгляда на сестру Алексею было достаточно, чтобы понять, когда с ней что-то не так.

Девушку охватила паника. *Если брат узнает о ее свидании с Эмилианом, то попытается убить его.* Он всегда старался защитить ее.

– Что случилось? Ты заболела? – спросила Диана, подходя ближе и касаясь щеки Ариэллы.

– Я не могла заснуть, – честно ответила та. – Всю ночь глаз не сомкнула.

Во взгляде Дианы светилось тайное знание, словно она догадалась о случившемся.

– Это из-за музыки, не так ли? – понизив голос, спросила она. – Я тоже ее слышала и сама с трудом заснула. Кажется, цыгане что-то праздновали и танцевали.

Ариэлле показалось, что в словах сестры звучит косвенный намек, но конечно же это было не так.

– Не знаю.

Диана опустила на диван в синюю и белую полоску.

– Говорят, именно так они обычно и поступают – танцуют и веселятся ночи напролет.

– Не думаю, что нам стоит слепо верить слухам, – возразила Ариэлла, удивляясь тому, с какой злостью прозвучали ее слова. Она поспешно поднялась на ноги, надеясь, что Диана не заметила ее грубого тона.

– Боже мой, как ты сегодня ворчлива. Ты собираешься пойти вниз поприветствовать Алекси?

Ариэлле страстно хотелось бы притвориться, что ничего особенного не происходит.

– Разумеется, – ответила она.

Спускаясь вниз по широкой центральной лестнице, покрытой персидским ковром с красно-золотым рисунком, Ариэлла услышала голос брата. Он был суров.

– Поверить не могу, что отец позволил им остаться на нашей земле.

Ариэлла напряглась. Алексей явно говорил о цыганах. Он много путешествовал по свету по делам флота и часто с интересом, а не подозрением или предубеждением рассказывал о представителях иных культур. Его тон и слова поразили ее.

Повернувшись к ней, молодой человек улыбнулся своей белозубой улыбкой.

– А вот и она! – воскликнул он.

Алексей был высок и широкоплеч, а его ярко-голубые глаза на красивом смуглом лице являлись гордостью многих поколений мужчин семейства де Уоренн. Как и его кузены, до женитьбы он слыл известным ловеласом, который, даже вступив в брак, не изменил своих пристрастий. Пять лет назад он женился на их подруге детства, чтобы спасти ее от публичного скандала, и бросил ее прямо у алтаря, едва произнеся брачный обет. Нечего и говорить, что это породило еще больший скандал. Насколько Ариэлла могла судить, с тех пор муж с женой даже не разговаривали.

Алексей бросился к ней, но не обнял. Улыбка его вдруг угасла, а взгляд стал настороженным.

– Что случилось? – потребовал он ответа.

– Элис разве не с тобой? – спросила девушка, надеясь таким образом отвлечь его внимание. Она любила Элис, как родную сестру, и искренне желала, чтобы они с Алексеем были счастливы.

Выражение лица его стало жестким.

– Не начинай опять.

Ничто не изменилось. Что бы ни случилось, ее брат никогда не простит свою жену и не сможет забыть. Вздыхнув, она привстала на цыпочки и обняла его.

– Какой же ты все-таки невозможный мужчина. Но я все равно тебя люблю. – Ариэлле удалось изобразить ни лице почти искреннюю улыбку. – Ты обещал приехать в Лондон на мой день рождения, но прислал вместо себя этот невообразимый подарок. – Он подарил сестре музыкальную шкатулку из Стамбула, украшенную филигранью и инкрустированную полудрагоценными камнями. Должно быть, она стоила целое состояние.

Алексей отстранился.

– Прости, что пропустил твой праздник, но я же все объяснил в записке. Ты выглядишь не очень-то счастливой, как я погляжу.

Ничего не ответив, Ариэлла отправилась в соседнюю комнату, где она заметила тетюшку Лизи – графиню Адар, весело болтающую с Амандой. Ее кузина Марджери улыбнулась ей, и они обнялись.

– Очень рада тебя видеть! – воскликнула Марджери. Как и ее мать, она была миловидной рыжеватой блондинкой веселого нрава. – Мы были в разлуке всего несколько недель, но за это время столько всего произошло!

Марджери, так же как и Ариэлла, проводила большую часть года в Лондоне.

– Как доехали? Мы не ждали вас так рано! – сказала Ариэлла.

– Благодаря новой железной дороге доехали мы с большим комфортом, – ответила ее кузина. – Ты выглядишь немного осунувшейся. С тобой все в порядке?

– Прошлой ночью я глаз не могла сомкнуть, – призналась Ариэлла, избегая смотреть на Алексея.

– Всему виной цыганская музыка, – пояснила Диана. – Мне и самой не сразу удалось заснуть.

Ариэлла почувствовала, как полыхнули румянцем щеки. Она бросила на брата взгляд украдкой, но он отошел к дверям, выходящим на балкон, и теперь пристально взирал на ярко раскрашенные кибитки цыган.

– Около года назад в дверь нашего дома Хермон-Хаус постучалась цыганка, – молвила Марджери. – Я была одна, но открыла ей. Она была одета в страшные лохмотья и стала предлагать мне предсказать судьбу, пока привратник не прогнал ее прочь. Я хотела просто дать ей поест, но она заупрямилась, намереваясь прежде прочесть, что написано у меня на ладони.

– Ее предсказание сбылось? – с любопытством спросила Диана.

– Ну, она нагадала мне очень красивого мужчину, черного как ночь, который приедет ко мне на белоснежном скакуне. Ничего подобного так и не случилось. – Марджери рассмеялась. – Вот несчастье какое.

Алексей развернулся:

– Ясно же, что она хотела выманить у тебя денег.

– Просто гордость не позволяла ей принять еду, не оказав взамен никакой услуги, – запротестовала Ариэлла. Должно быть, эти слова прозвучали слишком уверенно, потому что все повернулись к ней.

Алексей казался особенно заинтересованным. Девушка поспешила объяснить:

– Я ходила в их табор вместе с отцом. До этого мне с детства не приходилось встречать цыган. Мы видели их тогда в Ирландии, помнишь, Алекси?

– О да. У отца украли племенного жеребца, и он неделю ходил мрачнее тучи.

– Это было неудачное стечение обстоятельств, – заявила Ариэлла, скреживая руки на груди.

– Это была кража, – мрачно возразил ее брат.

Она направилась к нему. Взгляд ее метал молнии. Она понимала, что нужно себя контролировать, потому что она никогда не теряла самообладания. Сделай она это сейчас – и все поймут, что что-то происходит. Но оставаться равнодушной девушка не могла.

– Что же, хочешь сказать, все цыгане конокрады, ложные прорицатели и мошенники?

Он навис над ней:

– Ничего подобного я не говорил. Я встречал цыган по всему свету. Они отличные музыканты. В России, например, при дворе держат цыганский хор, да и многие аристократы так делают. В Венгрии цыгане считаются настоящими артистами, они выступают на праздниках в лучших домах, а также на театральных подмостках. Многие из них зарабатывают на жизнь честным трудом. Они работают лудильщиками, кузнецами, плетут корзины, починяют мебель. Но, – сказал он, привлекая внимание слушателей, – в целом они кочевой народ, предпочитающий заниматься мошенничеством и обманом.

Ариэлла понимала, что ей следует отступить.

– Поверить не могу, что среди цыган встречается больше воров, чем среди англичан.

– Я не об этом говорю.

– Музыка их непривычна, но очень приятна, – быстро произнесла Диана, вмешиваясь в разговор. Она улыбнулась брату и сестре. – Их мелодии экзотичны, но полны страсти, совсем как в оперной музыке.

И Ариэлла, и Алексей проигнорировали ее слова.

– С каких это пор ты стала заступницей цыган? – спокойно поинтересовался он.

Ариэлла могла бы дать несколько разных ответов.

– С тех самых пор, как, отправившись с отцом в их лагерь, я увидела матерей, которые заботятся о своих детях и готовят обед своим мужьям, так же как и мы.

– Их культура сильно отличается от нашей, – отрезал Алексей. – И мне не нравится, что они разбили лагерь на нашей земле.

– Но почему? – вскричала Ариэлла.

Он воззрился на нее немигающим взором:

– Потому что с ними забот не оберешься.

Ариэлла не узнавала своего брата – он говорил с таким предубеждением!

– Их предводитель поклялся, что ни одна наша корова или лошадь не пропадет.

– В самом деле? Как странно. Узы братства очень крепки в их среде. Сильно сомневаюсь, чтобы их *vaida* говорил честно за всех своих братьев. Ты просто попала под чары цыган!

Сердце Ариэллы упало. Ей вдруг захотелось сказать, что очарована она не всеми цыганами, а только их лидером. Сделав глубокий вдох, она произнесла с дрожью в голосе:

– Так и есть. Мне хотелось бы изучить как можно больше их жизнь и культуру.

– Но только вчера ты бесконечно рассказывала мне о монголах! – воскликнула Диана.

Теперь у Ариэллы появилось отличное оправдание тому, чтобы искать общества Эмилиана, но это не уменьшило ее беспокойства.

– Хватит с меня монголов. Теперь меня интересуют лишь цыгане. Едва придя в их табор с отцом, я была ими очарована. Хочу узнать, что из рассказов о них правда, а что лишь фольклор. – Она украдкой посмотрела на брата, чтобы понять, поверил ли он ей.

Алексей застонал, но потом улыбнулся:

– Мне следовало это предвидеть! Сначала монголы, теперь цыгане. Что ж, в этом есть и положительный момент. У нас на Роуз-Хилл разбит целый *kumpra'nia*. Так что можешь смело проводить свои исследования. – Он обнял сестру и быстро чмокнул ее в щеку. – Тебя, моя дорогая, ловко обведут вокруг пальца, не успеешь и глазом моргнуть. – Рассмеявшись, он вышел из комнаты.

Ариэлла почувствовала, как ноги ее стали ватными, и поспешно опустилась в ближайшее кресло.

– Что он имел в виду? – спросила Диана.

Ариэлла с трудом верила своему счастью. Теперь ее семья сочтет, что ее интерес к Эмилиану ничем не отличается от недавнего увлечения Чингисханом.

– Он имел в виду, милая, что твоя старшая сестра очень наивная для ее возраста и образования и что ничего не стоит ее обмануть, – с улыбкой пояснила Марджери. – Если, конечно, нам не удастся увлечь ее какой-нибудь иной деятельностью.

– Нечего даже и надеяться, – ответила Диана, также улыбаясь. – Мы не сможем переубедить мою сестру, когда она выбрала себе новый объект для изучения.

– Я, к примеру, считаю их кибитки настоящими произведениями искусства. Не хотите ли прогуляться до их лагеря? Посмотрим изделия их ремесел и украшения. – Глаза Марджери сияли.

Ариэлла тут же вскочила на ноги:

– Какая отличная идея.

– Так и думала, что тебе она придется по душе. – Марджери подмигнула Диане. – Возможно, нам удастся спасти ее от страшных цыган.

Глава 5

Марджери и Диана замерли в восхищении перед причудливо раскрашенной в красные, зеленые и синие цвета кибиткой, а Ариэлла в это время, привстав на цыпочки, осматривалась вокруг в поисках Эмилиана.

Лошадей уже привязали, а некоторых и впрягли в упряжку – верный признак того, что цыгане собираются уезжать. Тут Ариэлла заметила Эмилиана.

Он стоял у костра, разожженного неподалеку. Используя тиски с длинными ручками, он держал подкову над пламенем, ожидая, когда она достаточно раскалится. К кибитке была привязана воронья кобыла.

При свете дня Ариэлла увидела, что волосы его в действительности темно-каштанового цвета с вкраплениями янтарно-золотых прядей. Рубашки на нем не было, и, хотя он стоял неподвижно, удерживая тиски, под кожей спины его перекачивались мускулы. Профиль его показался девушке столь же благородным, что и у любого английского аристократа. Плечи его были широкими и крепкими.

– Ах! – воскликнула Диана.

– Ох... да... Боже мой, – пробормотала Марджери.

Ариэлла вздрогнула и повернулась к своим спутникам.

– Думаю, скоро выглянет солнце, – сказала она, – и день будет чудесным. – Про себя она подумала, что Эмилиан еще более прекрасен, чем она помнила.

Марджери вопросительно воззрившись на Ариэлла, в то время как Диана глаз не могла отвести от Эмилиана. Ариэлла понимала, что ее кузина размышляет сейчас о ее внезапной страсти к цыганам – и стоящему перед ними мужчине.

– Почему же он не наденет рубашку? Здесь же повсюду женщины и дети, – внезапно охрипшим голосом прошептала Диана.

Марджери же по-прежнему продолжала с подозрением вглядываться в лицо Ариэллы.

Ариэлла посмотрела на сестру. Диана покраснела как маков цвет и казалась чрезвычайно пораженной увиденным. Эмилиан тем временем вынул подкову из пламени и, повернувшись, положил ее на невысокий пень. Теперь он стоял к дамам в профиль, во всей красе демонстрируя свою широкую грудь и плоский, упругий живот. Но Ариэлла видела лишь царапины на его правом плече.

Неужели их оставила она сама?

Поставив ногу на пенек, Эмилиан замахнулся молотком, напрягая мышцы руки и спины. Мышцы бедра также напряглись, что было заметно даже через ткань бриджей.

Диана задохнулась от неожиданности.

Ариэлла взглянула на нее и поняла, что ее благопристойная сестра вовсе не скромница.

– *Очень красивый мужчина*, – как ни в чем не бывало заметила Марджери.

Ариэлла знала, что лицо ее полыхает огнем.

– Кто? Ах, ты имеешь в виду кузнеца? – спросила она непривычно высоким голосом.

– Нам нужно уйти, – сказала Диана. – Ну как можно быть столь нескромно одетым?

– Мы пока не можем уйти, – возразила Марджери, указывая на корзину с хлебом, пирогами, печеньем и кексами, которую они принесли с собой. Именно Марджери принадлежала идея устроить угощение цыганских детей. – Нам нужно отдать корзину кому-то из взрослых. – Взгляд ее устремился к Эмилиану. – *Добрый человек!* – обратилась она к нему властным, но не грубым тоном.

Эмилиан отложил молот и повернулся к ним. Скользнув равнодушным взглядом по Марджери, Эмилиан посмотрел на Ариэлла. Глаза его широко распахнулись.

Может быть, не такая уж это была и хорошая идея – прийти сюда, тут же подумала девушка.

– Сэр? Я леди де Уоренн. Мы принесли угощение для детей, – с милой улыбкой произнесла Марджери.

Взгляд Эмилиана по-прежнему оставался прикованным к Ариэлле. Девушка заметила зарождающийся в глубине его глаз гнев.

Он кивнул Марджери.

– Прошу прощения, – сказал он и потянулся за рубашкой. Тут Ариэлла заметила отметину у него на груди, которая сейчас была покрыта капельками пота. Прикрыв глаза, она вспомнила, что кусала его в пылу страсти.

– Я тебя не виню, – чуть слышно произнесла Диана.

Ариэлла в панике воззрилась на сестру. Выходит, и Диана тоже обо всем догадалась?

– Очень притягательное зрелище.

Ариэлла едва слушала сестру, так как внимание ее привлекла беседа Марджери и Эмилиана.

– Как это мило с вашей стороны, леди де Уоренн, – произнес Эмилиан, застегивая рубашку в свойственной ему манере – не до самого верха. Затем он потянулся к темно-зеленому парчовому жилету, расшитому золотой и серебряной нитью. Конечно, этот предмет туалета не был равноценен английскому жилету, потому что был слишком необычного покроя. Одним движением он надел его на плечи. – Вы можете оставить корзину мне. Уверен, что дети будут в восторге от лакомства.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.